

Сью Таунсенд
Адриан Моул: Годы прострации
Серия «Адриан Моул», книга 7

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567835
Адриан Моул: Годы прострации: Фантом Пресс; Москва; 2013
ISBN 978-5-86471-633-5

Аннотация

Адриан Моул возвращается! Годы идут, но время не властно над любимым героем Британии. Он все так же скрупулезно ведет дневник своей необыкновенно заурядной жизни, и все так же беды обступают его со всех сторон. Но Адриан Моул – твердый орешек, и судьбе не расколоть его ударами, сколько бы она ни старалась. Уже пятый год (после событий, описанных в предыдущем томе дневниковой саги – «Адриан Моул и оружие массового поражения») Адриан живет со своей женой Георгиной в Свинарне – экологически безупречном доме, возведенном из руин бывших свинарников. Он все так же работает в респектабельном книжном магазине и все так же осуждает своих сумасшедших родителей. А жизнь вокруг бьет ключом: борьба с глобализмом обостряется, гаджеты отвоевывают у людей жизненное пространство, повсюду бушует экономический кризис. И Адриан фиксирует течение времени в своих дневниках, которые уже стали литературной классикой. Адриан разбирается со своими женщинами и детьми, пишет великую пьесу, отважно сражается с медицинскими проблемами, заново влюбляется в любовь своего детства. Новый том «Дневников Адриана Моула» – чудесный подарок всем, кто давно полюбил этого обаятельного и нелепого героя.

Содержание

2007 год	5
Июнь	5
Суббота, 2 июня 2007 г.	5
Воскресенье, 3 июня	8
Понедельник, 4 июня	9
Вторник, 5 июня	9
Среда, 6 июня	10
Понедельник, 11 июня	10
Воскресенье, 17 июня	11
Понедельник, 18 июня	12
Вторник, 19 июня	13
Среда, 20 июня	14
Воскресенье, 24 июня	14
Понедельник, 25 июня	16
Вторник, 26 июня	17
Среда, 27 июня	17
Четверг, 28 июня	18
Пятница, 29 июня	20
Июль	21
Воскресенье, 1 июля	21
Понедельник, 2 июля	23
Четверг, 5 июля	24
Пятница, 6 июля	24
Среда, 11 июля	25
Четверг, 12 июля	27
Суббота, 14 июля	28
Воскресенье, 15 июля	28
Понедельник, 16 июля	29
Среда, 25 июля	31
Август	32
Среда, 8 августа	32
Четверг, 9 августа	33
Пятница, 10 августа	36
Понедельник, 13 августа	36
Четверг, 16 августа	36
Пятница, 17 августа	37
Воскресенье, 19 августа	39
Понедельник, 20 августа	41
Пятница, 24 августа	41
Суббота, 25 августа	42
Воскресенье, 26 августа	42
Понедельник, 27 августа	44
Вторник, 28 августа	44
Среда, 29 августа	45
Четверг, 30 августа	47
Пятница, 31 августа	48

Сентябрь	49
Суббота, 1 сентября	49
Понедельник, 3 сентября	51
Вторник, 4 сентября	51
Среда, 5 сентября	52
Четверг, 6 сентября	52
Пятница, 7 сентября	52
Суббота, 8 сентября	53
Воскресенье, 9 сентября	54
Понедельник, 10 сентября	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сью Таунсенд

Адриан Моул: Годы прострации

*Посвящается Шону с любовью и благодарностью.
А также профессору Майку Николсону и бригаде урологов
Лестерской больницы.
Без помощи Бейли, Шона, Колина и Луиса я бы эту книгу не
написала.*

2007 год

Июнь

Суббота, 2 июня 2007 г.

Черные тучи над Мангольд-Парвой. Дождь льет с начала времен. И когда же этому придет конец?

ОСНОВНЫЕ ПОВОДЫ ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА

1. Гленн воюет с Талибаном в провинции Гильменд.
2. Выручка в книжном магазине на сегодня составила всего 17,37 фунта.
3. Прошлой ночью три раза вставал, чтобы помочиться.
4. Ближний Восток.
5. Интересно, родители скорректировали свой похоронный план? Погребение в землю мне не по карману.
6. Сталинские замашки у моей дочери Грейси. Или так и должно быть в первые пять лет жизни?
7. Вот уже 2 месяца и 19 дней, как я не занимался любовью с моей женой Георгиной.

Порою возникает ощущение, что она уже не настолько без ума от меня, как раньше. Например, она по-прежнему готовит мне яйца вкрутую, но давным-давно перестала их охлаждать. И она до сих пор не купила резиновые сапоги. Георгина – единственная мать в деревне, которая забирает ребенка из школы на десятиметровых шпильках. Это, несомненно, свидетельствует о полнейшем неприятии как моего образа жизни, так и английской сельской местности в целом. В первый месяц после свадьбы мы вместе собирали чернику и молодая супруга училась варить варенье. Теперь, четыре года спустя, когда следы от ожогов почти зажили, Георгина покупает клубничный «Бон маман» за три с половиной фунта баночка! Спрашивается, зачем, если в кооперативном магазине можно купить точно такую же банку за 87 пенсов!

Вчера я застал ее рыдающей над стареньким кейсом, с которым она когда-то ходила на работу. Спросил, что случилось. Она всхлипнула:

– Дин-стрит¹... Как же я скучаю...

– Кто такой Дин Стрит?

Она швырнула кейс на пол, затем пнула со всей силы по пакету, доставленному из центра растениеводства.

– Дин-стрит – это географическое место, *идиот*, – ответила она с холодным сарказмом, и этот ее тон начинает внушать мне тревогу.

Но по крайней мере, она со мной заговорила! Хотя продолжает делать вид, будто в упор меня не видит. На прошлой неделе в поисках ножничек для подстригания волос в носу я сунулся в ее сумочку и обнаружил записную книжку размером А5. Обычная книжка типа «ежедневник» с безобидными на вид монстрами на обложке. Однако, открыв его, я вздрогнул: запись на первой странице начиналась обращением ко мне:

Адриан, если ты нашел мой дневник и читаешь его, прекрати немедленно. Этот дневник – моя единственная отдушина. Пожалуйста, уважай мои желания и право на личную жизнь.

Закрой книжку и верни ее на место,

СЕЙЧАС ЖЕ!

Я перевернул страницу.

Дорогой дневник,

я намерена каждый день рассказывать тебе о своей жизни – все без утайки. Ведь мне больше не с кем поделиться тем, что меня мучает. Не с Адрианом же – у него случится нервный срыв, а родители и сестры в один голос заявят: «Мы тебе говорили, не выходи за него», и от друзей я услышу то же самое. Но проблема в том, дневник, что я глубоко несчастна. Мне опротивели сельские просторы! Здешние обитатели никогда не слыхали ни о «Белом кубе»², ни о кофе «маккиато» и думают, что Рассел Брэнд³ – это модель электрочайника. Люблю ли я своего мужа? И любила ли я его когда-нибудь? Смогу ли я прожить с ним до самой смерти – его, моей или обоих сразу?

Я услышал, как хлопнула дверь в огород, а затем шаги жены. Быстренько сунул дневник обратно в сумку и громко спросил первое, что пришло в голову:

– Георгина, когда у королевы официальный день рождения?

Жена вошла в комнату.

– Зачем тебе? Опять написал стихотворение по случаю, да?

Закуривая, Георгина слегка наклонила голову, и мне невольно бросилось в глаза, что теперь у нее *три* подбородка. Я также не мог не заметить, что с некоторых пор говорящие весы в ванной перестали подавать голос, – определенно Георгина с ними поработала.

И я уже давно не хожу с ней покупать одежду после того, как она закатила жуткий скандал в примерочной «Праймарка»: застряла в свитере 48-го размера, и вытащить ее удалось, только разрезав свитер. По дороге домой Георгина не переставая твердила:

– Ничего не понимаю, у меня же 46-й размер.

Даже мой ослепший друг Найджел, сохранивший, однако, способность различать очертания предметов, обронил на днях:

¹ Дин-стрит – улица в лондонском Сохо, славна театрами и клубами, где собирается богема. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² «Белый куб» – одна из ведущих лондонских галерей современного искусства.

³ Рассел Брэнд (р. 1975) – британский актер, певец, колумнист, а заодно радио- и телеведущий.

– Блин, Георгина, похоже, толстеет. Она приходила ко мне недавно, и, пока она шла от калитки к дому, мне казалось, будто сарай с садовыми инструментами ожил и движется на меня.

Жена удалилась на кухню заниматься ужином, и я мужественно переборол соблазн снова вытащить дневник и продолжить чтение – слишком уж был велик риск.

После ужина (салат с консервированным тунцом, молодой картофель, свекольная сальса и клубника из нашего огорода, политая сливками «Элми») я мыл посуду, когда на кухню заглянула Георгина и взяла из буфета пачку печенья. Вытерев насухо все поверхности, рассортировав мусор и оттащив мусорный бак к воротам, я вернулся в гостиную, чтобы посмотреть новости по Би-би-си-4, и увидел, что Георгина уже умяла три четверти пачки. Мне следовало промолчать. Сомкнуть уста и не размыкать их даже под пыткой... Последовавшая ссора напоминала извержение вулкана.

Грейси, которая слушала песни из «Классного мюзикла-2»⁴, врубила проигрыватель на полную громкость и закричала:

– Хватит орать, а не то я вызову полицию!

Из соседнего дома прибежала моя мать узнать, не убила ли меня жена, часом. Голос матери перекрыл наши голоса, положив конец перепалке:

– Георгина, ты отказываешься смотреть правде в глаза! У тебя 52-й! Ну и что?! Прилично одеться можно и в магазинах для крупных женщин – да хоть в той же французской «Пышке».

Георгина бросилась в распахнутые объятия моей матери, и та, глядя на меня, сердито мотнула головой, мол: «Проваливай!»

Сегодня утром жена не провожала меня до порога, когда я, как обычно оседлав велосипед, отправился на работу. На выезде с нашего участка я по привычке обернулся, чтобы помахать на прощанье, но в окне никого не было. Физически я разваливаюсь. Ночью встаю раза три и даже чаще, если позволяю себе бокал вина после вечерних новостей. Естественно, я не высыпаюсь, а по утрам еще и вынужден выслушивать жалобы моих родителей (их дом от нашего отделяет не слишком толстая перегородка): якобы непрерывное журчание воды в бачке мешает им спать по ночам.

Ехал я против ветра и не мог развить приличную скорость, а на подступах к Лестеру меня ждала еще одна неприятность: город перерыли чуть ли не целиком для укладки новых канализационных труб. Меня, злосчастного владельца выгребной ямы, прямо-таки захлестнула желчная ярость. Удивительно ли, что моя жена тоскует по большому городу, если жизнь в Мангольд-Парве не удовлетворяет ее базовых потребностей? В наших примитивных санитарных условиях я виню отца: обустроив наше новое место жительства, «Свинарню», мы отложили деньги на сточные трубы, но потом одним махом спустили их на пандусы для папаши, вдруг превратившегося в инвалида. А кто виноват в том, что с ним случился удар? Зарядку он сроду не делал – разве что тренировал указательный палец, непрерывно переключая телеканалы. И словно ему мало причиненного ущерба, отец явно не собирается отказываться от вредных привычек: он по-прежнему выкуривает по полторы пачки в день и обжирается крепко поперченным жареным салом с хлебом.

⁴ Первый и второй «Классный мюзикл» – американские телефильмы, снятые соответственно в 2006 и 2007 гг. Успех этой молодежной франшизы привел к появлению одноименного полнометражного кинофильма и театральной постановки.

Я с горечью вспоминаю тот день, когда мои родители купили два руинированных свинарника с задумкой превратить их в жилье. В ту пору я был банкротом и обрадовался бы любой крыше над головой – но сколько можно расплачиваться за прошлые ошибки?!

И вот что еще меня сильно беспокоит: я не нахожу себя в роли отца. Вчера Грейси вернулась из школы с рисунком «Моя семья». Дорогой дневник, я долго изучал костлявых человечков в поисках своего собственного изображения – увы, тщетно. Тогда я спросил дочку, почему она не нарисовала меня, своего папу, напомнив ей, между прочим, что именно из моего заработка высчитывают налоги, на которые школа покупает фломастеры и платит учителям. Девочка сдвинула брови. Мигом сообразив, что меня ждет – рыдания, вопли, сопли и попреки, – я поспешил отвлечь ребенка, вскрыв упаковку с розовыми вафлями.

Решил выяснить у жены, почему, по ее мнению, Грейси не включила меня в семейный портрет. А Георгина ответила:

– Может, она заразилась от тебя эмоциональной холодностью. – На мои возражения Георгина отреагировала абсолютно неадекватным взрывом эмоций: – Когда ты приходишь с работы, от тебя слова не добьешься, просто сидишь и пялишься в окно, разинув рот!

– Вид из окна никогда мне не прискучит, – сказал я в свою защиту. – Эти деревья вдалеке, угасающий свет на небесах.

– Ты что, в гребаном Корнуолле? – фыркнула Георгина. – Какие небеса, к чертям? Только заболоченный участок и ряд кипарисов, которые насадил твой отец, чтобы «укрыть нашу жизнь от посторонних глаз». Да кому здесь за нами подглядывать?!

Воскресенье, 3 июня

*Старый свинарник, 1
«Свинарня»
Нижнее поле
Дальняя просека
Мангольд-Парва
Лестершир*

*Высокопочтимому Гордону Брауну,
депутату парламента и министру финансов
Даунинг-стрит, 11
Лондон, SW1A 2AB*

*Уважаемый мистер Браун,
Я уже писал Вам в казначейство касательно досадной несправедливости. В налоговой инспекции утверждают, что за мной до сих пор числится недоимка в 13 137,11 фунта. Этот «должок» возник в ту пору, когда я в качестве шеф-повара, специализирующегося на потрохах, работал в Сохо у нечистоплотного предпринимателя.*

Я сознаю, что Вы – невероятно занятой человек, но если у Вас найдется время взглянуть одним глазком на мои документы (отосланные 1 марта 2007 г. заказным письмом), а затем черкнуть записку, подтверждающую мою невиновность, то я буду Вам вечно признателен.

*Ваш покорный и преданный слуга
А. А. Моул.*

Р. С. Прошу прощения, но не могли бы Вы разобраться с этим дельцем, прежде чем займете пост премьер-министра?

Р. Р. С. Мои поздравления, кстати: и с одним глазом⁵ Вы справляетесь блестяще. Полку выдающихся одноглазых личностей – таких как Питер Фальк (Коломбо), Джордж Мелли⁶, адмирал Нельсон и, разумеется, Циклон – определенно прибыло!

Понедельник, 4 июня

Все началось с пустякового спора о том, как правильно варить картошку (я кладу ее в холодную воду, Георгина бросает в кипяток), а закончилось душераздирающим и гневным поношением нашего брака.

Перечень моих супружеских преступлений оказался длинен: я громко хрумкаю, когда ем чипсы; глядя джинсы, делаю на них стрелки; отказываюсь платить свыше пяти фунтов за стрижку; каждый год в ноябре ношу один и тот же маковый цветок (купленный в 1998 г.)⁷; кладу слишком много сухих трав в спагетти болоньезе; пишу идиотские письма знаменитостям; неспособен заработать достаточно денег, чтобы переселить семью из свинарника.

В ответ на эту диатрибу я сказал:

– Не пойму, зачем ты вышла за меня.

Георгина посмотрела на меня так, словно видела впервые:

– Я и сама не пойму. Наверное, я тебя любила.

– «Любила»? – переспросил я. – Ты с умыслом употребила прошедшее время?

Жена опять взбесилась:

– У нас брак разваливается, а тебя волнует только грамматика.

– Это коренным образом внеположно тому, что я действительно сказал, – возразил я.

– Послушай себя, Адриан. Никто так не говорит. Ни один нормальный человек не скажет «внеположно».

– В повседневном общении Уилла Селфа⁸ этот речевой оборот наверняка присутствует как постоянная величина. – Даже на мой вкус, фраза прозвучала чуточку напыщенно.

Я не нахожу ни малейшего удовольствия в наших перепалках... Уж не скатываюсь ли я к той разновидности людей среднего возраста, которые уверены, что страна катится ко всем чертям, а после «АББА» приличной музыки так и не появилось?

Вторник, 5 июня

Дорогой дневник, я все думаю о вчерашнем, и мне слегка не по себе. Дело в том, что, по-моему, страна и вправду катится ко всем чертям, а группу «АББА» никому не удалось переплунуть.

⁵ Гордон Браун (р. 1951) – лейборист и британский премьер-министр с 2007 по 2010 г., ослеп на левый глаз еще в юности, получив удар по голове в школьном матче по регби.

⁶ Англичанин Джордж Мелли (1926–2007) начинал как джазовый и блюзовый певец, а закончил кинокритиком и специалистом по сюрреализму.

⁷ В ноябре многие британцы прикалывают к одежде цветок красного мака в ознаменование окончания Первой мировой войны.

⁸ Уилл Селф (р. 1961) – английский журналист и писатель сатирической направленности.

Среда, 6 июня

Небо прояснилось – и отнюдь не в метафорическом смысле. Реальное солнце вышло наконец из-за серых туч, что нависали над нами несколько месяцев. В воздухе терпко запахло боярышником, а лужи на подъездной дорожке наполовину высохли.

– От солнца масса пользы, – сообщил я Георгине. – Оно повысит у нас уровень серотонина и убережет от рахита.

– Для меня, Адриан, солнце означает лишь одно – придется брить ноги.

Нет, это не та женщина, на которой я женился. Прежняя Георгина упивалась солнцем и лежала в бикини на плоской крыше свинарника, пока последний луч не угаснет.

Я предложил жене позагорать. Ее глаза наполнились слезами:

– Ты когда меня видел в последний раз? Не с моими объемами загорать!..

Дневник, что происходит с моей женой? Неужели в своей записной книжке она написала правду? И займемся ли мы опять когда-нибудь сексом? Даже у моих родителей случается секс – каждый четверг; приходится пользоваться берушами, чтобы не слышать этих раздражающих звуков за перегородкой.

Понедельник, 11 июня

Мистер Карлтон-Хейес заболел. На работе с утра пораньше раздался звонок от его партнера Лесли. Годами я мучаюсь одним и тем же вопросом: Лесли – мужчина или женщина? К какому-либо определенному выводу я до сих пор не пришел. Лесли может быть женщиной с низким голосом вроде члена правительства Рут Келли или, наоборот, обладателем фальцета вроде футболиста Алана Болла.

Мне известно лишь, что Лесли живет вместе с мистером Карлтон-Хейесом, не любит компаний, но проявляет склонность к Сибелиусу и шоколадным конфетам с ликерно-кокосовой начинкой.

Я спросил Лесли, что не так с мистером Карлтон-Хейесом, и он/она ответил/а:

– Он разве не говорил? О боже, боюсь, у меня плохие новости. О господи...

– Знаете что, давайте обсудим это, когда ему станет лучше? – перебил я. – Секундочку... (Ко мне приближалась покупательница.)

Лесли тяжело задышал/а. Кажется, у него/нее проблемы с легкими.

Покупательница, женщина с одной, но очень большой бровью, спросила, есть ли у нас что-нибудь о ранних сюрреалистах, и я отправил ее к полке с биографией Ман Рэя⁹. Я был только рад заняться чем-нибудь стоящим: и ненужные словоизлияния Лесли пресек, и нацелил бровастую даму на неходовой товар. Мистер Карлтон-Хейес катастрофически переоценил интерес жителей Лестера к ранним сюрреалистам, пять экземпляров Ман Рэя стоят намертво. Зато босс крупно недооценил спрос на автобиографию Уэйна Руни, сочиненную литературным негром.

Когда я вернулся к телефону, Лесли на проводе уже не было. Я намеревался сразу же перезвонить, но тут бровастая пожелала расплатиться за Ман Рэя. Затем я все же набрал номер Лесли, но после двух гудков повесил трубку.

⁹ Ман Рэй (настоящие имя Эммануэль Радницкий, 1890–1976) – французско-американский фотограф, художник и режиссер, один из основателей нью-йоркского отделения дадаизма.

Воскресенье, 17 июня **День отца**

В 6.20 утра меня разбудил запах гари и вопль Грейси. Она орала мне в правое ухо:

– Папа, просыпайся! Сегодня День отца!

Я ринулся на кухню: из тостера валил дым, под ногами хрустели кукурузные хлопья, по столу разплывалась молочная лужа, из сахарницы торчал масляный нож. Грейси приказала мне сесть за стол и вручила открытку, которую она сделала с помощью Георгины. Откровенно говоря, дневник, я не чувствовал себя задаренным. На картонке, свернутой пополам, красовалось слово «папа», сложенное из разрезанных макаронин, большая часть которых отвалилась, обнаружив следы клея. А внутри было написано «ат Грейси».

Я мягко указал дочке на орфографическую ошибку в слове «от».

Грейси насупилась и сказала с вызовом:

– Дети в Америке пишут так.

– Думаю, ты заблуждаешься, детка.

– А ты разве бывал в Америке? – Пришлось признать, что я действительно никогда не пересекал океан. – Ну вот, а я туда ездила. Один раз с мамочкой, пока ты был на работе.

Последнее слово я предпочел оставить за дочерью. Грейси – грозный оппонент.

Как же я теперь жалею, что вызвался поработать в любительском театре Мангольд-Парвы в качестве драматурга, режиссера и продюсера. Репетиции идут кое-как, и меня бросает в пот при мысли, что до премьеры осталось всего одиннадцать месяцев.

Старый свинарник, I

«Свинарня»

Нижнее поле

Дальняя просека

Мангольд-Парва

Лестершир

Уважаемый сэр Тревор Нанн¹⁰,

Обратиться к Вам меня надоумила Анжела Хакер, писательница, драматург и по совместительству моя соседка. Я написал пьесу «Чума!», действие которой разворачивается в годы Средневековья. Это элегическое произведение с шестьюдесятью человеческими персонажами и десятком животных, преимущественно домашних.

Анжела считает, что Вы могли бы дать пару-тройку разумных советов насчет того, как управляться с таким большим актерским составом. Текст «Чумы!» прилагаю. Если, просмотрев пьесу, вы захотите к нам присоединиться, дайте знать как можно скорее.

Остаюсь, сэр,

А. А. Моул.

¹⁰ Тревор Нанн (р. 1940) – английский театральный и кинорежиссер. Британские актеры и голливудские знаменитости почитают за честь играть в его постановках.

СЦЕНА 1

Буря. Входит группа монахов в рясах и сандалиях. Самый важный монах несет в руках погребальную урну. Это аббат Годфрид. (Работникам сцены на заметку: просунув шланг пылесоса в вентиляционное отверстие боковой кулисы, можно создать «штормовой» ветер.)

АББАТ ГОДФРИД. Чу, братия! Ветер больно силен. По разуменью моему, должны искать укрытия мы в этом проклятом месте.

Появляется смерд по имени Джон, он спешит домой, где его ждет ужин – похлебка из свиных ушей с овсяными клецками.

АББАТ ГОДФРИД. Стой, смерд! Куда спешишь ты столь ретиво?

СМЕРД ДЖОН. Домой вечерничать. Рази не свято это дело?

АББАТ ГОДФРИД. Как зовется сие гнусное место?

СМЕРД ДЖОН. А никак. Чему тут кликаться-то? Акромя холма, полей да горстки лачужек здесь и нету ничего.

АББАТ ГОДФРИД. В бурю, смерд, лачуга дворцом помнится.

Площадь в центре деревни, где собрались тридцать пять человек, мужчин и женщин. Из левой кулисы выбегает свора собак и пересекает сцену. Под ногами деревенских жителей куры клюют зерно. Входит АББАТ ГОДФРИД, держа урну в воздетой руке. За ним следует толстый монах, БРАТ ДУНКАН, любитель наблюдать за птицами, и тощий монах, БРАТ ЭНДРЮ, страдающий приступами паники.

СМЕРД ДЖОН. Что у вас там, в ларце?

АББАТ ГОДФРИД. Кишки и анус короля Джона.

Деревенские жители и животные падают на колени.

АББАТ ГОДФРИД. Сердце его погребено в Йорке. А сие дремучее захолустье, по разуменью моему, послужит достойным убежищем королевскому анусу.

Деревенские жители раздражаются радостными криками, собаки лают.

КОНЕЦ СЦЕНЫ 1

Понедельник, 18 июня

Увидел в старом номере «Вестника Лестера» фотографию некоего малого по имени Гарри Планта, отметившего свой сто девятый день рождения. 109 лет! Ему было 19, когда в Великую войну он сражался при Пашендейле.

На голове у мистера Планта полно волос (и, между прочим, стрижка ему не повредила бы). Он что, знает какое-то волшебное средство?

Старый свинарник, 1

«Свинарня»

Нижнее поле

Дальняя просека

Мангольд-Парва

Лестершир

*Дом для престарелых «Ивы»
Биван-роуд
Дьюсбери
Лидс*

*Дорогой мистер Плант,
Поздравляю с достижением прекрасного возраста 109 лет.
Обращаюсь к Вам с небольшой просьбой: не раскроете ли Вы один из секретов Вашего долгожительства? Меня особенно интересует то, как Вам удалось сберечь волосяной покров.
Рекомендации относительно диеты, привычек и пр. приму с величайшей благодарностью.
Остаюсь, сэр,
Вашим покорнейшим и преданнейшим слугой
А. А. Моул.*

Ответ (писан дрожащей рукой)

*Дорогой мистер Моул,
Спасибо за Ваше интересное письмо. Никакой особой диеты я не соблюдаю, ем то же, что и все. А что касается волос, я мелко крошу луковицу, отжимаю сок и мажу им голову перед отходом ко сну.
С наилучшими пожеланиями, мистер Плант.*

*Старый свиарник, 1
«Свинарня»
Нижнее поле
Дальняя просека
Мангольд-Парва
Лестершир*

*Дом для престарелых «Ивы»
Биван-роуд
Дьюсбери
Лидс
Дорогой мистер Плант,
Спасибо, что ответили на мое предыдущее письмо.
Однако нельзя ли кое-что уточнить: какой сорт лука Вы используете?
С нетерпением жду известий от Вас.*

*Ваш
А. А. Моул.*

Вторник, 19 июня

Спросил жену, не согласится ли она сыграть Элизу Хеппелтуэйт, деревенскую шлюху, в моей постановке «Чума!». Пояснил, что исполнительнице этой роли придется надеть красные чулки, парик из нечесанных волос, наклеить на лицо бородавки и вычернить зубы:

– Не забывай, в те времена «Колгейта» еще не было.

– Ты сильно удивишься, если я откажусь? – ответила Георгина. – Позови лучше Марлин Уэбб из собачьей гостиницы, у нее зубы точно средневековые.

– Признаться, я глубоко разочарован. Я надеялся, ты поддержишь меня в моих театральных начинаниях. Только не говори, что «Чума!» никуда не годится, лучше я в жизни ничего не писал. Я послал экземпляр викарию, и он прислал письмо с похвалами.

Вынув листочек из бумажника, я показал его Георгине.

Дорогой Адриан,

В двух словах – я поражен. Поздравляю с завершением первого черновика пьесы. Удивительно, как Вам удалось снабдить каждого из более чем шестидесяти персонажей двумя репликами, по меньшей мере.

К сожалению, плотное расписание на ближайшие месяцы не позволит мне принять Ваше любезное предложение сыграть Недотепу Дика.

По Вашей просьбе я показал «Чуму!» жене. Она сказала, что непременно прочтет пьесу, когда покончит с полным собранием сочинений Айрис Мердок.

Ваш в Господе,

Саймон.

Среда, 20 июня

Тони Блэр устроил мировое прощальное турне. Моя мать как увидит его на трапе в очередном аэропорту очередной страны, так у нее сразу возникает чувство, будто он вот-вот запоет «Теперь, в конце пути...».

Вместе с женой посмотрели по Би-би-си-4 документальный фильм «Самая толстая женщина на планете» – о некой американке по имени Синди-Лу. Эта дама лежит в лежку на кровати особой сверхпрочной конструкции, с которой не в силах встать. Она такая необъятная, что ночные рубашки ей шьют из двух широченных простыней.

– Если не приму меры, то закончу как Синди-Лу, – вздохнула Георгина.

Воскресенье, 24 июня

Дождь. Проливной. И когда этому придет конец?

Проснулся в 7 утра от колокольного звона. И, как всегда, устыдился – я опять не собираюсь в церковь, и неважно, что на самом деле я на двадцать процентов агностик, а на восемьдесят атеист. Снова заснул, во второй раз меня разбудил телефон.

Звонил Гленн из Афганистана, по бесплатной «семейной» линии. Попросил передать девушке, с которой он познакомился в ночном клубе «Лох», почтовый адрес его части. Когда я поинтересовался именем и адресом девушки, Гленн ответил:

– Плохо слышно, пап, слишком громкая музыка. Но если в пятницу вечером ты случайно наткнешься на Малыша Кертиса, главного вышибалу в «Лохе», передай ему от меня вот что... У тебя есть под рукой карандаш или ручка?

Я порылся в тумбочке у кровати, но не нашел ничего пишущего. Сознывая, что драгоценные секунды неумолимо утекают, я схватил черный карандаш для подводки глаз – Георгина всегда держит его при себе, даже когда спит, – и записал со слов Гленна:

Йо, Малыш! Как ваще, братан? Помнишь ту телку, с которой я тусил в последний раз? С таким прикольным хаером? Не в службу, а в дружбу, скажи ей, что, по-моему, она зашибись и я здесь, в Афгане, жду от нее письма. И пусть фотку свою пришлет. Спасибо, братан.

Можно подумать, мальчик вырос в Гарлеме, а не послевоенной муниципальной застройке Лестера. Я строго заметил Гленну, что вряд ли когда-либо «наткнусь» на Малыша

Кертиса пятничным вечером у входа в «Лох», поскольку положил за правило не ездить в центр Лестера после наступления темноты, разве что в самых крайних случаях.

– Пожалуйста, папа, может, это последнее, что ты для меня сделаешь. Нас окружают талибы!

После такого разве я мог ему отказать?

Обедать отправились в «Медведя» – жались к деревьям, с которых страшно капало.

– Если в обозримом будущем не появится солнце, у всей Англии случится психоз, – предрекла моя мать.

Грейси отказалась шлепать по лужам, несмотря на новенькие красные сапожки, в которые мы ее обрядили, и потребовала, чтобы ее посадили на инвалидное кресло, к бабушке на колени.

– Этот ребенок никогда не научится нормально ходить, если ты, Адриан, не прекратишь ей потакать, – разворчалась мать. – И к тому же ей все равно неудобно. На коленях твоего отца не осталось и грамма жира.

– Оставь ее, Полин, – вмешалась Георгина, – иначе она разорется. Хочется пообедать в тишине и покое.

Мать зашагала вперед, бормоча про яму, которую мы себе роим, и безуспешно закури-вая сигарету на пронзительном июньском ветру.

Наше появление в пабе ознаменовалось радостными возгласами – я несколько опешил. После инцидента с мусорными баками семья Моулов не слишком популярна в здешней округе. Однако вскоре ситуация прояснилась: крики спровоцировало известие о том, что Тони Блэр наконец-то ушел с поста лидера Лейбористской партии и в среду сложит полномочия премьер-министра. Я бы присоединился к общему веселью, если бы на глаза у меня не навернулись слезы. Мистер Блэр легкомысленно промотал мое признание и уважение, ввязавшись в войну, на которой убили лучшего друга моего сына.

Я мысленно перенесся в тот славный майский день, когда под весенним солнышком с цветущих вишен сыпались белые лепестки – деревья словно разбрасывали конфетти, празднуя победу Лейбористской партии. Я был молод тогда и полон надежд и верил, что мистер Блэр, повторявший как мантру «Образование. Образование. Образование», преобразит Англию – и люди в ожидании автобуса начнут беседовать меж собой не о погоде, но о Толстом и постструктурализме. Увы, эта мечта далека от осуществления, если даже мой родной отец считает галерею «Тейт-Модерн» сильно увеличенной копией сахарного кубика.

У стойки с мясными блюдами мать принялась расхваливать Гордона Брауна – какой он представительный, умный и твердый, как камень. Георгина, пристально изучавшая говядину, свинину, баранину и индейку с целью выбрать куски посочнее, съехидничала:

– Северный склон Эйгера каменный и твердый, но, в отличие от мистера Брауна, куда более приветливый и выразительный.

По словам Георгины, когда она работала пиарщицей в Лондоне, по городу ходили упорные слухи, будто у Гордона Брауна заболевание лицевых нервов. Но моя мать гнет свое: мол, мистер Браун обладает всеми качествами, которые ей нравятся в мужчинах, – суровый, загадочный интроверт, совсем как Рочестер из «Джейн Эйр». Мать становится все более начитанной. Она проглатывает по четыре романа в неделю, называя это подготовительным этапом к написанию автобиографии. Ха! Ха! Ха!

Еда в пабе была вполне сносной, но я по-прежнему скучаю по воскресным обедам моей бабушки. Никакое мясо не заменит ее хрустящего йоркширского пудинга и аппетитной

жареной картошки. Когда мы налегали на мясо (все взяли говядину, кроме Грейси, которая предпочла «Пирата» – рыбные палочки и повязку на глаз), отец задумчиво произнес:

– Я вот тут прикинул. Эта чертова жратва обошлась нам по шесть фунтов с носу, не считая Грейси, ее «Пират» потянул на четыре. Общая сумма – двадцать восемь фунтов! А сколько стоит приличный кусок сырой говядины? – Он воззрился на мою мать, потом на Георгину. Те ответили ему недоуменным взглядом; похоже, обе были не в курсе. – Чуток мяса, горстка овощей!.. Да он на нас наживается! – И отец принялся подбирать остатки соуса на тарелке.

– Это и есть капитализм, – напомнил я отцу. – Разве ты не ратуешь за капиталистическую систему? Или у тебя вдруг случилась переоценка ценностей?

Любопытно, неспособность вникнуть в элементарные правила бизнеса – уж не первый ли это признак Альцгеймера?

Мимо прошествовал Том Уркхарт, хозяин паба. Он с самого начала невзлюбил нашу семью. Я толком не разговаривал с ним с того дня, когда попросил установить в туалете кабинку для инвалидов в расчете на моего отца. Уркхарт отказал по смехотворной причине, якобы «кабинка для инвалидов не сочетается с атмосферой старины, царящей в пабе, – еще монастыри не разогнали, а “Медведь” уже здесь стоял»¹¹.

Когда я заметил ему, что солдаты в армии Кромвеля нередко получали увечья, массово лишаясь рук и ног, Уркхарт молча повернулся ко мне спиной и начал переставлять посуду на полках в баре¹².

У нас кончился соус, но просить Уркхарта не хотелось. Я просто взял соусник и отправился на кухню, где наткнулся на шокирующее зрелище: ученик повара Джейми Бритон покрывал поцелуями загривок Кэт Уркхарт, жены хозяина. Я поспешил убраться, но, кажется, они меня заметили.

К великой досаде моей матери, я вернулся с пустым соусником.

– Я бы и сам пошел, – заныл отец, – но не знаю, протиснется ли мое кресло между столиками.

Мать схватила соусник, рванула на кухню – и тут же выскочила обратно. Я пытался понять по ее лицу, какое впечатление произвело на нее скандальное поведение миссис Уркхарт, но мать выглядела как обычно: все та же непроницаемая маска – тон-крем «Макс Фактор», наложенный на общую разочарованность в жизни.

Понедельник, 25 июня

Весь день шел дождь. Ручей на краю нашего участка бурлит. Мать опасается, что нас затопит. Я ее успокаиваю: местный почтальон Тони Уэллбек утверждает, что за последние десять лет наши угодья заливало водой раза два, не больше.

Письмо от мистера Планта.

*Дорогой мистер Моул,
испанский.*

*Ваши
мистер Планта.*

P. S. Прошу больше мне не писать.

¹¹ Массовое упразднение монастырей произошло при английском короле Генрихе VIII (1497–1542), который, рассорившись с Папой Римским, провел церковную реформу.

¹² Армия Кромвеля, одного из вождей английской революции, просуществовала с 1642 по 1660 г.

Вторник, 26 июня

Последний день мистера Блэра в качестве премьер-министра Великобритании. Самое время попытаться улучшить свою репутацию – в конце концов, у него в запасе целые сутки.

К примеру, он может посетить больницу и пообщаться с тяжело ранеными солдатами, служившими в Ираке.

В свой последний день на госслужбе мистер Блэр пообщался с Арнольдом Шварценеггером.

Теперь я точно знаю: мистер Блэр впутал нас в войну исключительно из личного тщеславия.

А потом и страну довел до полного безобразия. Я – атеист, но если вдруг окажется, что Бог есть, значит, это Он наслал библейский нескончаемый дождь на греховное наследие Блэра – казино, порнографию по телевизору, беспробудное пьянство, поножовщину и мгновенные кредиты. На Гордона Брауна я возлагаю большие надежды, это человек солидный, тяготеющий к земле и цифрам. Мне кажется, он – социалист в душе, и в резиденцию премьер-министра он войдет, как Кларк Кент в телефонную будку, – обычным человеком, а выйдет Суперменом.

Мать явно одержима мемуарной литературой, особенно воспоминаниями тех, кому выпало тяжелое детство. Сейчас она читает и перечитывает «Ребенок как вещь»¹³. Сегодня вечером мать обронила:

– А не написать ли мне книгу?

Она явно ищет способ хоть как-то оправдать свою жизнь.

Среда, 27 июня

Официально объявлено об угрозе наводнения. Прибрежное население готовится к худшему.

Зашел к родителям отдать им нашу долю выплат по ипотеке. У них был включен телевизор, и я внимательно разглядел новых жильцов дома № 10 на Даунинг-стрит – чету Браун снимали перед резиденцией в день заезда. Мистер Браун выглядел так, будто ему только что пересадили рот и он впервые пробует улыбнуться новыми губами. И до чего же неуклюже он машет рукой!

– Бедняжка Сара, – вздохнула моя мать, – двое маленьких детей на руках, муж-трудоголик, а еще надо раскладывать все эти канapé и принимать почетных гостей.

– Почему ты называешь ее Сарой, вы разве знакомы? – удивился я.

– Все женщины – мои сестры, Адриан. Тебе этого никогда не понять.

– Она выглядит приличной женщиной, – заметил отец, – и со ртом у нее все в порядке.

Итак, у штурвала Великобритании встал Гордон Браун. Будем надеяться, он убережет наш корабль от подводных камней и мы поплывем по спокойным и тучным морям к свету в конце туннеля. Жду, что со дня на день мистер Браун отменит решение Тони Блэра о вторжении в Ирак.

По-прежнему идет дождь. Река Сенс полноводна как никогда, а местами даже выходит из берегов. Вот и я набухаю, сегодня двенадцать раз справлял малую нужду.

9 вечера

¹³ Автобиографическая книга американца Дейва Пельцера, опубликованная в 1995 г., о тяжелом детстве с матерью-алкоголичкой.

*Старый свинарник, 1
«Свинарня»
Нижнее поле
Дальняя просека
Мангольд-Парва
Лестершир*

*Высокопочтимому Гордону Брауну,
премьер-министру и лорду-канцлеру
Даунинг-стрит, 10
Лондон, SW1A 2AA*

*Воскресенье, 24 июня 2007 г.
Уважаемый премьер-министр,
Не желая попусту тратить Ваше время, буду краток: Вам удалось
взглянуть на бумаги касательно моих налоговых затруднений?
Ваш озабоченный гражданин А. А. Моул.*

Четверг, 28 июня

Георгина вступила в «Общество контролеров веса». Пришлось отвезти ее на собрание на багажнике велосипеда – она отказывалась надевать сапоги, а дорога из-за нескончаемого дождя скрылась под водой.

Домой возвращаться не имело смысла, жена должна была освободиться через час, – взвесившись и проделав все прочее, что положено у этих контролеров, – и мы договорились встретиться в «Медведе».

Войдя в паб, Георгина рухнула на стул рядом со мной:

– Во мне 82 килограмма и 340 граммов.

– 82 килограмма и 340 граммов – это хорошо или плохо? – спросил я.

– Это было бы здорово, будь я боксером в полутяжелом весе. Но у меня рост 159 сантиметров и тонкая кость, и получается, да, это очень, очень плохо. – Георгина схватила мою кружку с пивом, осушила ее до дна и вытерла губы тыльной стороной ладони. – В день свадьбы я весила 57 с половиной кило.

Прямо у меня на глазах она впадала в депрессию, что теперь с ней нередко случалось. Надо было ее как-то удержать.

– Любимой женщины должно быть много, – сказал я.

Не помогло.

Тогда я взял ей водки с тоником (и с соломинкой, но без льда и лимона).

В паб вошла компания корпулентных женщин в спортивных костюмах. Сгрудившись за маленьким столиком, они дружно закурили. И в пабе стало как в финальной сцене «Каса-бланки» – все в тумане.

– Это твои коллеги по контролю за весом? – поинтересовался я.

– Нет. – Георгина была в курсе всего, что происходит в деревне. – Они тренируются для благотворительного забега с целью сбора средств на спасение почты.

– Спасения от чего?

– От закрытия. – Георгина закурила вторую сигарету.

– Но ты только что затушила одну, докулив только до половины, – мягко попенял я.

Учитывая, что мы находились в общественном месте, ответ моей жены прозвучал довольно резко:

– Послушай, ты, мистер Чистые Легкие, в воскресенье дымить в пабе будет запрещено долбаным законом, так дай насладиться напоследок.

Дабы не усугублять ситуацию, я вернулся к почтовой теме:

– Но ее нельзя закрывать. Я пользуюсь почтой трижды в неделю. И как же папа? У него единственная радость – скататься на почту за пенсией, а иначе он вообще не будет выходить из дома.

Георгина стукнула рюмкой по столешнице и крикнула Тому Уркхарту, торчавшему за стойкой:

– Твоей «Столичной» можно младенцев поить! Кто тебе дал право разбавлять водку, это ведь не лаймовый хренов сок!

Иногда я жалею, что в Георгине воспитывали свободный дух, в результате мнение окружающих ее абсолютно не волнует. Уркхарт поносил ее сквозь зубы, посетители на нее пялились, я был смущен – а ей хоть бы хны.

Я подошел к спортсменкам узнать, могу ли я присоединиться к компании «Спасем почту», и, неопределенным жестом указав на ноги, пояснил, что по личным причинам я не в состоянии участвовать в благотворительном забеге.

– Я вас знаю, – сказала одна из женщин, одетая в розовый костюм с полосками цвета кокосового мороженого. – Видела вас у школы. Вы живете в свинарниках и пишете пьесу для нашего театра. А для нас там найдется роль?

Я пообещал, что напишу для них целую сцену. Они засмеялись и давай хлопать друг друга по мясистым ладоням. В пабе аж стекла задрожали.

10 вечера

Когда мы ехали домой, дождь бешено молотил по нашему зонту. Висельная улица больше походила на улицу Утопленников. Георгина почти не слезала с велосипеда. Не очень-то легко крутить педали, когда у тебя на багажнике сидит боксер в полутяжелом весе.

Сказал жене, что если она завтра же не купит резиновые сапоги, я...

– Что ты сделаешь? – Георгина крепче обхватила меня за шею.

Я не ответил – ей отлично известно: я глупею от любви.

Вода на нашем участке стояла так высоко, что доходила до щиколоток, и я, обутый в резиновые сапоги, донес жену до самых дверей.

Когда я отпирал дверь, из своей половины высунулась мать:

– Я увидела, как ты еле ноги переставляешь, – она что, опять напилась?

Георгина соскользнула с моей спины:

– Опять, Полин? Опять?! Не могу припомнить, когда я в последний раз напивалась!

– А я могу, – парировала мать. – Вчера. Я наведалься к вам сигаретку стрельнуть, а ты трупом лежала на диване.

– Мы с Грейси играли в автокатастрофу! – взвилась Георгина.

Тем временем мы вошли в нашу тесную прихожую, где я тут же сбросил промокшие пиджак, брюки, накинул халат и направился в гостиную. Мать с женой задержались в прихожей, о чем-то шепотом переговариваясь. Затем мать повысила голос:

– *Его* ты, может, и способна одурачить. Но не *меня*!

Прежде чем лечь спать, я проверил наши запасы алкоголя в кухонном шкафу. В водочной бутылке на дне плескалось немного жидкости, а все, что осталось с Рождества и приоб-

реталось позднее (в том числе подарок Найджелу на день рождения – скорпионовая текила), исчезло.

Пятница, 29 июня

Мистер Карлтон-Хейес (на работу он вернулся еще в понедельник) говорит, что этот непрерывный дождь напомнил ему о наводнении 1953 года, когда его тетю вымыло волной из дома в Скегнесе, понесло по течению, а потом выбросило на крышу автобусной остановки. Он не сказал, почему его так долго не было в магазине, но я заметил, что он теперь передвигается словно с опаской.

Июль

Воскресенье, 1 июля **ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ КУРЯТ!**

Исторический день! Отныне в Англии курение в общественных и на рабочих местах запрещено. Правда, если ты сумасшедший, заключенный, депутат парламента или член королевской семьи, на тебя этот закон не распространяется.

Курение отравило мою жизнь. На фотографии, снятой в тот день, когда меня выпустили из роддома, мать стоит на автостоянке со мною на руках – точнее, на одной руке, другая опущена, – а между пальцев дымится сигарета.

Я глотаю дым с тех пор, как мне исполнилось пять. Мои детские воспоминания скрыты за дымовой завесой, а семейные поездки на автомобиле испорчены безостановочным курением родителей. Из моего незавидного положения на заднем сиденье машины я умолял открыть окно, но отец отказывался наотрез под тем предлогом, что свежий воздух вреден для его слабых бронхов. Помню, во время долгого путешествия в Ханстентон я соорудил себе защитную маску из бумажного носового платка. Родителей это страшно развеселило, и весь наш короткий отпуск они называли меня не иначе как «бандитиком».

После завтрака (два хлебца из цельного овса с молоком, шоколадный круассан и банан) я зашел к ним пригласить на воскресный обед в «Медведя»:

– Хочу *впервые в жизни* попробовать, каково это делить трапезу с родителями и чтобы в процессе мне не дымили в лицо.

Отец пустился в демагогические разглагольствования: «Чертово авторитарное правительство, фашистская свора, грязные нацисты!»

– Печальный, печальный день, – бормотала мать, вид у нее был сломленный.

– Ну, это еще не конец цивилизации, – сообщил я, вытряхивая пепельницы в мусорное ведро с педалью.

– Во всяком случае, это конец *моего* мира. – И мать принялась горестно перечислять все то, чего она теперь лишится.

– Если вы что-то и утратите, – сказал я, – так это надрывный кашель, смрадное дыхание, существование в...

Не слушая меня, мать, потянувшись за сигаретой, произнесла голосом сомнамбулы:

– Я курю с тринадцати лет. В пятнадцать я носила перчатки выше локтя, и у меня был черепаховый мундштук.

– Сейчас бы тебя за это линчевали, – буркнул отец.

– Кто? – спросил я.

– Эти козлы из защиты прав животных, что спасают проклятых черепах.

– В шестнадцать, – продолжала мать, – я ходила в джаз-клуб «Отвязный звук» в Норидже. И там я впервые выкурила «Голубой диск»¹⁴.

– А я к шестнадцати годам уже всюю смолил самым крепким «Кабестаном» без фильтра, – похвастался отец.

Услыхав, что за стенкой Георгина с Грейси орут друг на друга, я ушел, оставив родителей предаваться табачным воспоминаниям.

¹⁴ В 1960-х культовая разновидность сигарет «Голуаз» повышенной крепости.

На нашей половине разгоралась очередная абсурдная стычка на тему «что надеть». И почему моя дочь всегда норовит нарядиться каким-нибудь диснеевским персонажем? Это не ребенок, а мечта мерчендайзера. Мне никогда не забыть ее первый день в школе: учительница категорически не одобрила костюм пирата, и мы целую вечность разжимали крошечные пальчики Грейси, которыми она стискивала абордажную саблю.

– Почему я не могу надеть костюм Динь-Динь? – кричала Грейси.

– Можешь, но только без крыльев, – отвечала Георгина.

– У фей должны быть крылья, без них они не умеют летать, – упиралась Грейси.

– Ты не наденешь эти дурацкие крылья, – рявкнула ее мать. – В прошлый раз в пабе ты смела этими крыльями все до единого бокалы с соседнего столика, а твоему папе пришлось выложить двадцать пять фунтов в возмещение ущерба.

– Ладно, – вопила Грейси, – если я опять что-нибудь уроню, отдам соседям миллион фунтов из моего банка.

Мы с Георгиной сконфуженно переглянулись. Деньги в уплату за электроэнергию в этом месяце мы добыли, сняв их с целевого дочкиного счета «Капитал будущего». Грейси решительно затопала к себе в комнату и вернулась в костюме Динь-Динь и крыльях. У меня не хватило духу протестовать. Когда Грейси спросила: «Я красивая, правда?» – я размяк и ответил «да».

Георгина рассвирепела: якобы я намеренно вступаю в преступный сговор с ребенком с целью подорвать ее родительский авторитет. Взяв кухонное полотенце, я начал вытирать посуду, помытую женой, и ни один мускул не дрогнул на моем лице, пока она гневно перечисляла действительные и мнимые минусы нашей жизни. Этот длинный список я успел выучить наизусть:

Выгребная яма.

У нас нет машины.

В книжном магазине я зарабатываю гроши.

Ей надоело есть овощи со своего огорода, которые вдобавок она сама же и выращивает вместо того, чтобы слушать радио «Скай».

Ее воротит от вкуса и текстуры хлеба, который я пеку дважды в неделю.

В Мангольд-Парве живут одни дебилы.

Она стесняется давать людям свой «свинский» почтовый адрес.

Ее достали мои родители, которые постоянно вмешиваются в нашу жизнь.

Закончив, Георгина села и заплакала – навзрыд, как ребенок. Я даже испугался. Грейси вылезла из проблемного костюма Динь-Динь и помахала сверкающей палочкой над головой матери, будто волшебством можно унять слезы.

Я не знаю, как сделать мою жену счастливой.

В «Медведе» мы с Грейси большую часть времени провели вдвоем. Георгина и мать с отцом курили снаружи под дождем в компании прочих постоянных клиентов. А Том Уркхарт, хозяин паба, беспрестанно ворчал:

– Эта антикурительная брехня прикончит «Медведя».

Обед разочаровал. Переваренная еда вязла на зубах, создавая физическую преграду остроумной беседе, – подозреваю, по той причине, что Ли Грант, повар, постоянно выбегал на улицу, чтобы затянуться сигаретой. В придачу Грейси завела бесконечный рассказ о мальчике из ее класса по имени Мейсон, который живет в муниципальном доме. Этот Мейсон принес из дома завтрак: два пакета чипсов, бутылку колы, пакетик леденцов и сыр-ные палочки. И тогда директриса миссис Булл собрала младших школьников, вывела вперед

Мейсона и, демонстрируя содержимое его коробки для завтраков, гневно осудила каждый продукт. «Словно открыла ящик Пандоры», – мелькнуло у меня в голове... И кстати, как же давно я с ней не разговаривал, с Пандорой, той, у которой фамилия Брейтуэйт. Наверное, полгода. Пусть я и вспоминаю о ней по несколько раз на дню, но я – гордый человек и жду, пока она сама позвонит. В окно я увидел, как к курильщикам, мерзнувшим под морозящим дождем, присоединился Хьюго Фэрфакс-Лисетт, наследник Фэрфаксхолла. Затянувшись сигаретой, Георгина откинула голову назад и выпустила подряд несколько колец – этим трюком она всегда веселит публику на вечеринках. На лице Фэрфакс-Лисетта отразилось восхищение, тогда моя мать расстегнула верхнюю пуговицу своей блузки из синтетического атласа.

Не понимаю, почему женщины в присутствии Фэрфакс-Лисетта дуреют. Он ростом с каланчу и похож на похмельного Хью Гранта, не говоря уж о том, как он любит красоваться на людях в гоночных автомобилях и твидовых костюмах, пошитых на Сэвилл-Роу¹⁵. Голову даю, он не открыл ни одной книги с тех пор, как окончил Кембридж. Пандора бы его под орех разделала.

Спустя десять томительных минут я услышал рев машины Фэрфакс-Лисетта, и моя семья воссоединилась за пудингом в пабе. Отставив тарелку с размокшим персиковым пирогом, мать изрекла:

– Это есть нельзя. Испоганили заведение.

– У нас все испоганили, – подхватил отец, – спасибо лейбористам. Знаете, кто теперь владеет нашей водой? Хреновы французы! И уже нельзя спокойно в носу поковыряться, камеры наблюдения проследят, куда ты денешь свои козявки. То какие-то психи бомбят чертов аэропорт в Глазго, то мы бредем по пояс в воде. А дальше что?

– Не накликай беды, Джордж, – встрял почтальон Тони Уэллбек. – В Хардтоне уже наводнение. А это всего в миле от Мангольда.

Знаешь, дневник, если бы в тот момент кто-нибудь вошел в паб и объявил, что на нас напали полчища саранчи, я бы даже не вздрогнул.

Может, конец света уже наступил?

Дома вечером я хотел поговорить по душам с женой, но увидел, что она опять читает «Убойный аргумент» Кристофера Хитченса¹⁶, и опять передумал.

Понедельник, 2 июля

Позвонил мистер Карлтон-Хейес и сказал, что сегодня он «недееспособен». Не люблю, когда его нет в магазине. Правда, в последнее время толку от босса не много, но рядом с ним мне как-то спокойнее.

Он по-настоящему любит книги – в ущерб бизнесу. На днях приходила женщина средних лет, в очках как у Джона Леннона и с непомерно большой грудью, хотела купить второе издание «Мельницы на Флоссе»¹⁷ стоимостью 150 фунтов. Женщина назвалась доктором Пирс и сказала, что в Университете де Монфора провозжают на пенсию декана факультета английской филологии и она ищет для него подарок. Мистер Карлтон-Хейес отпер застекленный шкаф, где хранятся антикварные издания, и снял с полки старинный двухтомник.

¹⁵ Улица в центре Лондона, где издавна сосредоточены элитные мужские портные.

¹⁶ Кристофер Хитченс (р. 1949) – англо-американский журналист и писатель, известный своими резкими высказываниями. Под огонь его критики попала даже мать Тереза, не говоря уж о чете Клинтон и других известных политиках.

¹⁷ Роман классика английской литературы Мэри Энн Эванс (1819–1880), издававшейся под мужским псевдонимом Джордж Элиот.

Подавал один том по купательнице, а затем наблюдал, как она листает страницы. После чего отнял у нее книгу, вернул оба тома на полку и запер шкаф. Когда доктор Пирс удалилась с пустыми руками и в полном изумлении, мистер Карлтон-Хейес пояснил:

– Мне показалось, что клиентка обращалась с этой редкостью слишком бессердечно.

Словно доктор Пирс не книжку собиралась купить, но взять щенка из приюта для бездомных животных.

Неудивительно, что бухгалтеры советуют мистеру Карлтон-Хейесу продать помещение магазина компании «Теско». Когда босс рассказывал мне об этом предложении, его лицо на миг вспыхнуло гневом, что с ним не часто бывает. Воздев руки к полкам и стопкам книг, мистер Карлтон-Хейес воскликнул:

– А им куда прикажете деваться?

Словно речь шла о несчастных беженцах.

Воспользовавшись отсутствием босса, я позвонил в Университет де Монфора и попросил передать доктору Пирс, что она может приходить за «Мельницей на Флоссе». Доктор явилась буквально перед самым закрытием. Мы поговорили о Джордж Элиот, и, похоже, доктор Пирс обрадовалась, обнаружив, что я разделяю ее пристрастие к этому автору. Я и не заметил, как полчаса пролетели. Однако надо было отправляться домой. Доктор Пирс ждала снаружи, пока я запираю магазин, а потом мы вместе зашагали по Хай-стрит, я толкал велосипед, а она держала зонтик над нашими головами. Мы шли и говорили не умолкая. Расстались мы через полчаса у парковки гостиницы «Холидей Инн».

Когда Георгина поинтересовалась, почему я вернулся позже обычного, я ответил, что у велосипеда цепь соскочила. И не спрашивай, дневник, почему я так сказал.

Четверг, 5 июля

Мистер К.-Х. вернулся.

Я подписался на получение сообщений о стихийных бедствиях и катастрофах. Когда мы перекусывали бутербродами в подсобке, на моем мобильнике высветилась трагическая новость: двадцать пять человек погибли и тридцать три ранены в результате взрыва в караоке-баре китайского города Тяньшифу.

– Ужас, правда? – обратился я к мистеру Карлтон-Хейесу.

– Действительно, ужас, – вздохнул босс. – Караоке в Поднебесной – плачь, Конфуций, плачь!

Пятница, 6 июля

Утром меня разбудил телефон. Звонила мать.

– Ты сегодня смотрел в окно? – вопила она.

Не выпуская трубки из рук, я раздвинул шторы.

Поля исчезли, вместо них, куда ни бросишь взгляд, сверкала водная гладь.

– У тебя есть мешки с песком? – спросила мать.

– Откуда? Кто же станет забивать дом мешками с песком?

Позвонил мистеру Карлтон-Хейесу сообщить, что не приду на работу.

– Понимаю, – сказал он, – ехать по воде – настоящая авантюра. Мой «ровер» утопал по самые крылья.

Почти весь день противостоял потоку, как король Кнут¹⁸, собирая воду у нашего порога.

Когда вода немного схлынула, мы с Грейси уселись смотреть телевизор. Почтальона Пата повысили по службе, теперь ему придется расстаться и с деревушкой Гриндейл, и с красным фургоном и перебраться в Главное управление на должность менеджера средней руки¹⁹. Какой-то идиот на Би-би-си заявил:

– Мы помещаем почтальона Пата в новое динамичное окружение. Зрителей ждут захватывающие сюжеты!

Итак, даже почтальона Пата принесли в жертву на алтарь прогресса. Без униформы и красного фургона Пат ничего из себя не представляет. Ровным счетом НИЧЕГО!

Вот к чему приводят корыстные происки коммерческого отдела Би-би-си. И конечно же, они навывают новых игрушек под маркой «Почтальон Пат». А я буду вынужден покупать Грейси «монтегровер» для Пата, костюм и кейсы.

Среда, 11 июля

Сегодня у меня выходной. В планах было нанести цветные коды на все мои диски без исключения и поработать над комедией о серийном убийце под названием «Белый фургон». Ночью, лежа без сна, я размышлял о моей комедии. Разумеется, Полин Кверк и Гарри Эндфилд уже слегка староваты, чтобы сыграть серийного убийцу и его жену, однако Рассел Брэнд и Эми Уайнхаус²⁰ успешно их заменят.

А еще я собирался переглядеть половину белья, но на меня что-то вдруг нашло, и я так ничего и не сделал, только смотрел телевизор. В 4 часа дня я с трудом оторвался от экрана (показывали «Впариваем!», и мне было страшно интересно, почему уйдет на аукционе подставка для яйца, расписанная Клариссой Клифф), обул резиновые сапоги и по убывающей воде пошлепал на почту отправить по просьбе жены открытку «С днем рождения!» и посылку моей свояченице Маргаритке. Георгина успела продать на e-Bay свою спортивную сумку от Луи Витона и оплатить наши счета за воду, прежде чем нам отключили Интернет. Почтовые служащие Тони и Венди Уэллбек, сидя за стойкой, спорили меж собой, сколько марок надо наклеить на почтовое отправление в Тимбукту. Подписав петицию «Не закрывайте нашу почту!», я терпеливо ждал. Заметив меня наконец, они вежливо заулыбались.

– И кто же в Мангольд-Парве пишет в Тимбукту? – любопытствовал я.

Венди огляделась по сторонам, а затем, понизив голос и почти не шевеля губами, произнесла:

– Я не вправе говорить – конфиденциальность, защита базы данных и все такое, – но если вы высунете нос на улицу и глянете, кто там идет по Гиббет-лейн...

Я вышел и увидел старую миссис Льюис-Мастерс, поднимающуюся в горку на ходунках. Тимбукту? Глядя на миссис Льюис-Мастерс, я ни за что бы не подумал, что она переписывается с кем-нибудь, кроме дальних родственников из глухой английской провинции, обмениваясь с ними образцами для вязания и сочувствуя мукам, которые они претерпевают, связываясь с банком через колл-центр в Калькутте.

¹⁸ Датский король Кнут I правил Англией с 1014 по 1035 г. Согласно легенде, король решил проучить лстивых придворных, величавших его «всемогущим», и на их глазах попытался остановить прилив властным повелением. Волны, разумеется, короля не послушались.

¹⁹ «Почтальон Пат» – британский мультсериал, существующий с 1981 г. и ориентированный на дошкольников.

²⁰ Эми Уайнхаус (1983–2011) – в описываемый период и вплоть до своей трагической смерти звезда британской рок-музыки.

Взвесив мою посылку, миссис Уэллбек добавила:

– Она пишет в Тимбукту раз в две недели, посылает открытки на Рождество и Пасху, а в начале июля поздравляет адресата с днем рождения.

Почта Мангольд-Парвы похожа на иллюстрацию к детской книжке Грейси, разве что мистер и миссис Уэллбек не белки, одетые по моде позапрошлого века. Каждый квадратный дюйм помещения занят полками со всякой продукцией, хотя, сдается, Уэллбеки давно оставили попытки разобраться в своих товарных запасах. Банки с фасолью соседствуют с пачками конвертов. Ручки и карандаши делят полку с консервами для кошек и собак. Поздравительные открытки свалены как попало в коробку из-под обуви: за «Счастливого первого дня рождения!» следует «Соболезнуем вашей недавней утрате».

Полки с канцтоварами заманивали меня роскошными блокнотами на спирали с девственно белой бумагой, черными линейками и полями, отчерченными красным. Меня влекло к ним, как других мужчин влечет к игрушкам для взрослых в сексшопах.

– Опять блокнот? – удивилась миссис Уэллбек. – Что вы с ними делаете, едите их?

– Ведь мистер Моул у нас писатель, – сказал мистер Уэллбек. В его голосе мне почудилась насмешка, словно он потешался про себя.

– Я *тоже* могла бы написать книгу, – заявила миссис Уэллбек. – На этой работе мы столько всего навиделись и наслушались, вы не поверите.

Я считаю своим долгом не спускать людям вроде миссис Уэллбек пустое литературное бахвальство.

– Тогда почему бы вам не взяться за книгу? – спросил я.

– Взялась бы, будь у меня время, – взгрустнула миссис Уэллбек.

– Венди – блестящая писательница, – встрял ее муж. – Вся родня восхищается ее письмами.

– Но книга – несколько иное дело, верно? – гнул я свою линию. – Книге необходима композиция, сюжет, характеры.

– А в пунктуации ей просто нет равных, – продолжал Уэллбек. – Уж она точно знает, когда нужно поставить точку.

– Тогда вперед, пусть пишет книгу.

– Говорю же, у меня времени нет, – сказала Венди с неуместным, на мой взгляд, раздражением – ведь она беседовала с клиентом.

– Но почему? Что вы делаете в те часы, когда не работаете? – Меня искренне интересовал этот вопрос.

– Восемь из них я сплю, – ответила миссис Уэллбек.

– А остальные? – Я не мог остановиться, хотя и понимал, что, по сути, уличаю ее во вкусах и пристрастиях, неподобающих истинному творцу.

– Стряпаю, убираю, стираю, глажу, решаю sudoku по одному в день, копаюсь в саду... – перечисляла Венди.

Но я-то знаю, что миссис Уэллбек – пылкая поклонница телесериалов. Я часто слышал, как она по-свойски обсуждает персонажей из «Обитателей Ист-Энда», «Улицы Коронации» и «Эммердейла».

– А телевизор? – перебил я. – Разве он не отнимает у вас то время, которое вы могли бы использовать для творчества?

Супруги переглянулись. Крепко я их прищучил! Крыть им было нечем – то-то и оно! Однако упоения победой я не испытывал и, желая выразить сочувствие миссис Уэллбек, купил еще один блокнот в пополнение моей коллекции.

По пути домой я легко нагнал миссис Льюис-Мастерс, она все еще ковыляла вверх по склону под проливным дождем. Я пошел рядом с ней похоронным шагом, раскрыв над нами зонт. Мой маневр слегка напугал старушку, и она торопливо перевесила сумочку на другую, дальнюю от меня, сторону ходунков. Я развеял ее опасения, заговорив на спорную тему о цветочных корзинках, висевших на каждом доме и фонарном столбе.

Миссис Льюис-Мастерс поглядела на корзинки с отвращением.

– Будь я помоложе, – выговор у старушки был такой, что даже королева позавидовала бы, – прокралась бы ночью и уничтожила эту ужасную безвкусицу.

Она остановилась и вперила взор в ярко-оранжевые цветы, буйно разросшиеся в зеленом пластиковом горшке, висевшем на скобе рядом с салоном «Побалуй себя».

– Это что за цветы? – спросил я.

– Бегония, – процедила миссис Льюис-Мастерс. – Совершенное позорище. В растительном мире они как Маргарет Тэтчер: аляповатые, назойливые, и спасу от них нет.

Я взглянул на старуху иными глазами. Исходя из возраста, внешнего облика, манеры говорить, я бы не колеблясь причислил ее к поклонницам Тэтчер.

Мы почти одолели подъем, но, прежде чем распрощаться с миссис Льюис-Мастерс, мне очень хотелось выяснить, кому она регулярно пишет в Тимбукту.

– Вам еще далеко идти? – спросил я.

– Нет, вон мой дом. – Она указала на оштукатуренный кирпичный особняк, стоявший на самой вершине холма.

– Словом, ближе, чем до Тимбукту? – сказал я как бы в шутку.

– Тимбукту? – Старуха подняла голову и уставилась на меня. – С чего вы вдруг приплели Тимбукту?

– Ни с чего, просто мой отец обычно так выражается, когда хочет определить расстояние.

Пожелав моей спутнице всего хорошего, я поспешил прочь.

Дома я погуглил Тимбукту и узнал, что это столица африканского государства Мали, расположенного на южной окраине Сахары, там пустыня граничит с рекой. Арабские племена привозят золото с юга и соль с севера, и когда-то Тимбукту называли местом, «где верблюд встречается с каноэ».

Четверг, 12 июля

Утром Грейси закатила жуткий скандал. Она требовала, чтобы ей разрешили пойти в школу в костюме Русалочки. Мы с Георгиной чувствовали себя совершенно беспомощными перед лицом нашего беснующегося ребенка. Я попытался объяснить дочке, что костюм ограничит ее в движениях, а из-за хвоста, намочшего в лужах, она не сможет добраться до школы. И напомнил, что в сказке Русалочку всюду носили на руках или сажали на скалы.

– Я – рыба! До школы я *доплыву*! – визжала Грейси, наряженная в костюм то ли рыбы, то ли девицы легкого поведения. Я торопливо сел на велосипед, оставив разбушевавшуюся дочь на жену. Дождь лил как из ведра, ну и пусть.

Я бы и тайфуна не испугался, лишь бы убраться подальше от этого визга.

Мистер Карлтон-Хейес опять отсутствовал. Молодой человек в черных квадратных очках спросил, нет ли у нас чего-нибудь по тропическим болезням. Вид у него был не очень здоровый, и я решил держаться от него подальше, отправив посетителя к полкам с медицинской литературой. Парень открыл книгу Рэйчел Исбы «Скоротечные инфекционные забо-

левания и тропическая медицина», полистал ее минут двадцать, причем его беспокойство неуклонно нарастало, а затем рванул прочь из магазина, так ничего и не купив.

Когда он ушел, я опрыскал торговый зал магазина «Деттолом», дезинфицирующим антисептиком, – на всякий случай. Я не могу позволить себе заболеть.

Суббота, 14 июля

Найджел позвонил мне на работу и объявил, что он влюбился «*в такого же слепца, как я сам*»! И когда же мой друг поумнеет? Было бы куда лучше для всех, если бы он запал на человека с нормальным зрением. А теперь Найджел и его новый партнер Ланс Ловетт в обнимку станут бродить на ощупь, натыкаясь на мебель, проливая напитки, и так же, не размыкая объятий, попадут под машину!

Я указал Найджелу, что он роет себе яму.

– Но у меня есть надежный помощник – Грэм, – возразил он.

– Грэм – *собака*, Найджел! Он с одним хозяином с лап сбивается, и несправедливо навязывать ему сразу *двух* слепых. Пес не обязан работать сверхурочно.

– Да не волнуйся ты так за Грэма, – рассердился Найджел. – Он обленился как черт знает что. Вчера я попросил его принести чистое полотенце из сушильного шкафа, а он даже ухом не повел.

Воскресенье, 15 июля

Позвонил Найджел. В истерике.

Грэм умер. Явившийся по вызову ветеринар сказал, что пес мертв уже по меньшей мере половину суток.

– И ты не сообразил, что несчастная псина перестала дышать? – с издевкой спросил я. – Я-то думал, что у слепых обостренный слух.

– Ты путаешь меня с Суперменом, – сквозь рыдания ответил Найджел. – Ладно, Моули, я прошу тебя приехать и похоронить Грэма в саду.

– Почему *я*? – посетовал я, положив трубку и поворачиваясь к Георгине. – Почему *меня* всегда просят хоронить дохлых псов?

– И сколько же псов ты похоронил? – осведомилась Георгина.

– Двух. Собаку Берта Бакстера, Штыка, и того, что долго жил в нашей семье.

– Как его звали?

– Псом, – пожал я плечами. – У него не было клички.

– Значит, две мертвые собаки... За сколько лет?

– Двадцать без малого.

– Ну, вряд ли можно утверждать, что ты только и делаешь, что зарываешь дохлых псов.

10 часов вечера

Из-за этих собачьих похорон все на меня ополчились.

Мать обвинила меня в жестокосердии:

– Ты разбиваешь сердца двум слепым людям.

В ответ я указал, что Найджел и Ланс собираются в поход на байдарках по норвежским фьордам, так что, наверное, они способны выкопать небольшую ямку для золотистого лабратора.

Отец, подкатив поближе на инвалидном кресле, ткнул меня кулаком:

– Я бы сам выкопал ему яму, если бы Господь не послал мне инсульт!

– Это был не Господь, Джордж, – поморщилась мать. – Это было свиное сало и две пачки сигарет в день.

Позвонил Найджелу узнать, есть ли у него лопата.

– У меня не было лопаты, даже когда я мог *видеть*, блин. И зачем мне ее сейчас заводить? – ответил он.

Я услышал, как где-то на заднем плане всхлипывает Ланс под музыкальные позывные Вечерних новостей.

Понедельник, 16 июля

Бросил мистера Карлтон-Хейеса одного управляться в магазине, а сам вызвал такси из дома. Георгина, которая раньше ни капли не интересовалась Грэмом, вызвалась сопровождать меня на похороны:

– А то мы куда вместе не ходим.

– С каких это пор собачьи похороны считаются развлечением? – удивился я.

– Там наверняка соберется компания симпатичных геев, – предположила Георгина, – а они – ребята забавные.

Она оделась в черное с головы до пят и даже ногти покрасила черным лаком. Я сказал ей, что зря она вырядилась в траур, Найджел и Ланс, главные скорбящие, не оценят этого жеста, ведь на двоих у них всего два процента зрения.

– Я в черном, потому что скорблю по моей долбаной жизни! – ответила Георгина.

Я заметил, что таксист поглядывает на нее в зеркало заднего вида. Он явно не одобрял поведения моей жены, да и мне самому было за нее немного стыдно.

Однако в ее голосе звучало неподдельное отчаяние.

Мне захотелось ее как-то развеселить. Взяв Георгину, я предложил после похорон отправиться в китайский ресторан Уэйна Вонга. Она сжала мою ладонь и улыбнулась. И это было как яркий луч солнца, прорвавший низкие грозовые облака.

В половине десятого мы подъехали к дому Найджела. На входной двери висел траурный венок. Я и представить не мог, что погребение Грэма будет обставлено столь помпезно.

Найджел позвал гостей. В углу большой комнаты он устроил нечто вроде раки Грэма: цветная фотография в рамке – Грэм улыбается, свесив язык, – а на бархатной подушке ошейник покойного пса, бирка с именем и адресом его хозяина и собачье печенье, обрызганное серебряной краской. Ланс выглядит лет на десять старше Найджела, и он бреет голову, хотя и не очень аккуратно – его череп пестрит как зажившими, так и свежими порезами. Ланс был в темном костюме, а в ухе у него сверкала золотая сережка, – похоже, он думает, что сережка добавляет ему необычности.

В черном подсвечнике горела свеча.

– Я не дам этому пламени угаснуть, – всхлипнул Найджел.

– Ты должен задуть ее перед тем, как лечь спать, – посоветовал я. – По статистике число пожаров в частных домах взлетело до небес с тех пор, как свечи стали обязательным предметом интерьера.

Усопший Грэм лежал в коробке из мебельного магазина среди сушеных цветов и трав. Пасть у пса была полуоткрыта, и видневшиеся зубы придавали ему, даже после смерти, агрессивный вид, и я, как всегда, не чувствовал себя в его присутствии комфортно.

Оставив гостей поесть бутерброды с рыбой и потягивать розовое шампанское, я отправился в маленький садик за домом и приступил к трудоемкому занятию – выкапыва-

нию могилы в сырой глине. Я часто останавливался передохнуть, утирал пот со лба и оглядывался на окно гостиной, откуда кто-нибудь из друзей Найджела ободряюще махал мне рукой. Я видел Георгину, окруженную толпой мужчин, они болтали и то и дело заливались громким смехом. Издалека Георгина казалась худее, чем вблизи. И удивительно напоминала Найджеллу Лоусон²¹.

Никто не предложил помощи. Хотя должен отметить, что, когда начался дождь, приятель Ланса, тоже гей, – который представился мне так: «Я – Джейсон, я сумасшедший и одно время ходил с зелеными волосами» – вынес мне зонт и тут же убежал обратно в дом, боясь промокнуть.

Интересно, Джейсон или кто-нибудь еще из гостей пробовал когда-нибудь копать могилу одной рукой, держа в другой зонт?

Принимать участие в церемонии погребения у меня не было ни малейшего желания. На мой взгляд, песня Элвиса Пресли «Старый овчар», звучащая из проигрывателя, и траурная процессия с магазинной коробкой и ее содержимым демонстрировали полную утрату чувства меры.

Когда настало время опускать коробку в могилу, случилась безобразно эмоциональная сцена. На заплаканного Найджела было жалко смотреть, слушать его рыдания тоже. В какой-то момент он едва не свалился в яму. К моей великой досаде, коробка оказалась шире ямы и мне пришлось опять взяться за лопату. Я не гомофоб, но когда копаешь собачью могилу, а за тобой критически наблюдает дюжина геев, – через такое я не хотел бы пройти еще раз.

В конце концов коробку накрыли крышкой и Грэм обрел вечный покой. Я был единственным из присутствующих, у кого глаза остались сухими.

Скажи, дневник, должен ли я озаботиться проблемой моей эмоциональной холодности? Или же мне стоит поздравить себя с отменным самоконтролем?

Найджел прочел стихи, сочиненные Лансом.

«ГРЭМ»

Чу, лай я слышу. Пес, ты ли это?
А вот рычанье – милый, где ты?
Грэм, ты с нами всегда, днем и в ночи?
Ответь, дружок, прошу, не молчи.
Лаял ты грозно, да, это так,
Но не кусался, ты ведь был не дурак.
Глаза твои зоркие, мех золотой
Нам с другом облегчили бремя,
Во тьме ты светил нам яркой звездой.
Ах, зачем ты ушел прежде времени,
Наш молодой герой?!

Ланс Ловетт

Здесь было все, что я ненавижу в любительской поэзии. Сентиментальные, неуклюжие вирши, напрочь лишенные глубины, сплошь расхожие мысли и штампы. Но все присутствующие восторгались и наперебой хвалили Ланса.

²¹ Найджелла Лоусон – британская кулинарка, пишет о стряпне в прессе и ведет передачу на телевидении.

К Уэйну Вонгу мы не поехали. Георгина выпила слишком много розового шампанского и принялась цепляться к моему кардигану, поэтому я побыстрее увез ее домой, пока она совсем не распоясалась.

Посещение туалета: двенадцать раз.

Среда, 25 июля

Полграфства под водой. Вместо проезжих дорог бурные потоки, в теленовостях показывают, как по этим «рекам» плывут машины и стволы деревьев. Я пошел взглянуть на наш ручей – из журчащей прозрачной струи он превратился в пенящийся ад и теперь подбирается к дому.

Гордон Браун взял на себя руководство по борьбе с наводнением. Он проводит одно чрезвычайное совещание за другим. Газеты прямо-таки захлебываются заголовками вроде «Гордон спасает затопленных бриттов». Можно подумать, он таскает мешки с песком или собственноручно откачивает воду.

Август

Среда, 8 августа

Воспользовался отсутствием родителей – они на митинге в «Медведе», протестуют против закрытия деревенской почты, – и отправился на их половину, поискать «Джейн Эйр». Мать взяла у меня эту книгу почитать, а потом клялась, что вернула обратно. Разумеется, я нашел пропавший томик – на столе-развалюхе, который мать гордо называет «письменным», в самом низу стопки душераздирающих мемуаров.

«Ребенок как вещь», «Прах Анжелы» Фрэнка Маккурта, «С ножницами наперегонки», но больше всего меня заинтересовала папка с надписью «Девочка по имени Срань». Я открыл папку, внутри лежало несколько исписанных страниц. Не сходя с места, прочел их. Это было повествование о детстве матери на картофельных полях в Норфолке. Повествование, сотканное из лжи. Нет, пожалуй, «сотканное» – слишком изящная метафора, когда имеешь дело со столь наглым мошенничеством. Сочинение моей матери *сляпано* из лжи.

Полин Моул

Девочка по имени Срань

Я родилась посреди картофельного поля у деревни Штанцы в графстве Норфолк. Колочий восточный ветер охлаждал бедра моей матери, пока я прокладывала себе путь в мир лишений и боли.

Отец мой был свирепым великаном с черными волосами и косматой бородой. В деревенской школе он выучился читать и писать, обнаружив блестящие способности к наукам. Школьный учитель, мистер Строгаль, убедил его подать заявление в Кембридж. В день приемных экзаменов отец отправился в Кембридж – пешком и босой. Он опоздал на пять минут, к экзаменам его не допустили. Вернувшись домой, он сжег все свои книги и дал обет больше никогда и ничего не читать.

Моя мать была одной из самых красивых девушек в Норфолке. Она происходила из аристократической семьи, а с отцом познакомилась во время охоты, устроенной в норфолкском королевском поместье Сандрингеме. Мать упала с лошади, когда скакала по неровному картофельному полю, и отец пришел ей на помощь. Их связь получила огласку, вызвав грандиозный скандал, и в итоге матери, леди Клариссе Кавендиш-Строндж, пришлось выйти замуж за моего отца. Так она стала миссис Сагден. Я никогда не слышала, чтобы отец называл мать по имени, всегда только «Ты» с большой буквы.

Спустя полчаса по завершении родов отец рывком поставил мать на ноги и приказал продолжать выкапывать картошку из черной земли. Меня, завернутую в мешковину, сунули за пазуху матери, одетой в армейскую шинель. На поле мать трудилась, пока не стемнело, и лишь после того, как она приготовила отцу ужин, а заодно почистила хорьковые клетки, ей было позволено присесть.

– От сраной девчонки никакого толку. – Таковы были первые слова отца при моем появлении на свет. – Я ждал сильного парня, который легко забросит полный мешок картошки на сраную телегу. Отнеси девчонку к запруде, пусть ее там коровы сожрут.

К счастью для меня, за ужином отец упился свекольным вином до полного одурения и поутру забыл о своей директиве. Он отказывался признавать меня, регистрировать мое рождение, а если изредка и обращался ко мне, то называл исключительно Сранью.

Все это ложь от начала и до конца. Я видел материнское свидетельство о рождении, она родилась в деревенской больнице в Бернем-Маркете и получила имя Полин Хильда Сагден. Ее отец – смирнейший человек, никто никогда не слышал, чтобы он повысил голос. А вот мать красавицей вовсе не слыла. В нашей семье бытует история о том, как бабушку Сагден попросили не посещать деревенские конные состязания, потому что ее физиономия пугала лошадей.

Четверг, 9 августа

Вернулся домой с работы и обнаружил Георгину в состоянии сильного возбуждения: глаза горят, щеки пылают, на губах толстым слоем темно-красная помада, а сама Георгина распространяет густой аромат бурбона и «Прелести» от Сары Джессики Паркер.

Стоило мне вставить ключ в замок, как жена распахнула дверь:

– Угадай, кто сидит у родителей?

Я молчал, но первый, о ком я подумал, был мой обожаемый младший сын Уильям: а вдруг он приехал из Нигерии, где живет со своей матерью и ее новым мужем? Я никогда не говорю об Уильяме – слишком болезненная тема.

– Гленн вернулся из Афганистана? – спросил я.

Георгина затрясла головой. Пара заколок выпала из осинового гнезда а-ля Эми Уайнхаус.

– Твой брат! – сообщила она.

Я снял зажимы с брюк (на велосипеде я без них не езжу) и положил на столике в прихожей.

– Брат наполовину, – поправил я жену. – В нем течет кровь только моего отца.

– Ну да, Бретт Моул. Ах, Ади, он такой классный! Трудно поверить, что вы с ним родня. А ты не говорил, что он учился в Оксфорде.

Я спросил, где Грейси.

– Там же, у родителей, с дядей Бреттом, – ответила Георгина. – Он прекрасно управляет с детьми.

– Зачем он сюда явился?

– Из-за матери. Не знаю, как ее зовут.

– Стрекоза Сушенная, – усмехнулся я. – Известна также как Дорин Слейтер.

– Короче, она умерла. Вчера. И Бретт хотел лично сообщить об этом отцу. Он такой чуткий.

– Сушенная Стрекоза умерла? – Я был потрясен. – От чего, от анорексии?

– Мотоциклетная авария, – сказала Георгина.

– Как ее занесло на мотоцикл?

– Бретт говорит, что она связалась с дурной компанией.

– Да ей было лет шестьдесят по меньшей мере! Кто в таком возрасте связывается с дурными компаниями?

– Связывается, если это борнмутский отряд «Ангелов ада». – После чего Георгина придиричиво оглядела себя в зеркале, торопливо улыбнулась мне и убежала в соседний дом.

Я сел на кровать, пытаюсь восстановить дыхание. Стоит подумать о Бретте Моуле, как на меня накатывает ощущение собственной неадекватности. Я хорошо помню тот ужасный день в Скегнесе, когда отец признался матери в измене, – вынужденно признался, поскольку Дорин Слейтер как раз разродилась Бреттом. Мой полубрат выше ростом, красивее и лучше образован, чем я, ему удаются все виды спорта, а занимается он чем-то загадочным вроде хедж-фондов (понятия не имею, что это такое), разъезжая между Лондоном, Токио и Нью-Йорком. И этот бизнес невероятно его обогатил.

Мать не устает рассказывать о бунгало, которое Бретт купил Стрекозе Сушеной. Якобы Дорин требуется лишь нажать на несколько кнопок – и в доме зажигается свет, шторы задвигаются, а в комнатах начинает играть музыка. И каждый раз мать мечтательно произносит:

– Как бы я хотела...

Фразу она никогда не заканчивает, но я знаю, чего бы она хотела – чтобы я купил ей такой же дом на кнопках.

Я тщательно помылся, кардиган надевать не стал, причесался и отправился к родителям.

1 час ночи

Надо же быть таким занудой! Мыслимое дело, на протяжении битых четырех часов говорить исключительно о себе! И конечно, если бы не женская активность... Всякий раз, когда Бретт уже не знал, чего бы еще о себе рассказать, мать или Георгина подбрасывали вопросик о его распрекрасной жизни, и он опять принимался молотить языком.

Про то, как его токийский унитаз смывает воду и автоматически вытирает ему задницу, и какой великолепный вид на Центральный парк открывается из окна его нью-йоркского жилья, и как он любит наблюдать за речными судами, сидя на террасе своей квартиры в доме на берегу Темзы.

Он знает всех поваров в Лондоне и постоянно пересыпает свою речь именами Гордон, Марко, Джейми²². А также, если верить Бретту, его имя вышито на палатке Трейси Эмин²³.

Белее зубов, чем у Бретта, я в жизни не видел, они ненормально белые. Ими можно было бы освещать наш участок в ночи. Согласен, у него приятная наружность, но довольно невыразительная – он смахивает на Джорджа Клуни. Бретт сказал, что ткань, из которой пошит его повседневный костюм, выткана из шерсти, собранной с подбрюшья элитной породы коз, обитающих на северных склонах тибетских гор.

Я спросил моего единокровного брата, почему, располагая столькими современными средствами связи, за последние два года он не удосужился ни позвонить, ни написать нам. Неужели он не сознает, что подобное равнодушие глубоко огорчает отца? Братец принял удрученный вид, а затем обвинил моего отца – своего отца... *нашего* отца – в том, что тот никогда им не интересовался. Мать встала на защиту мужа:

– Нет, Бретт, Джордж в равной степени не интересовался ни одним из своих детей.

Понимая, что эта тема чревата неприятными разоблачениями, я решил отвести беседу подальше от коварных отместок семейных отношений – к спасительной бухте цен на недвижимость. Все три его собственности удвоились в цене, сообщил Бретт.

– А тебя не пугают уроки истории вроде Южноморского пузыря? – спросил я.

²² Гордон Рамзи, Марко Пьер Уайт, Джейми Оливер – крупнейшие знаменитости в британской кулинарии.

²³ Трейси Эмин (р. 1963) – английская художница. Инсталляция с туристической палаткой, которой Эмин дебютировала в современном искусстве, называлась «Все, с кем я спала с 1963-го по 1995-й».

– Нет. – Бретт подался вперед, сосредоточив на мне свое внимание: – Ну-ка, ну-ка, расскажи.

Его пристальный взгляд подействовал на меня не лучшим образом – все подробности касательно Южно-морского пузыря вылетели у меня из головы.

– Это случилось в восемнадцатом веке, – пробормотал я, – и как-то связано с переоцененными облигациями и финансовым крахом.

После мучительно долгой паузы, когда все смотрели на меня в ожидании пояснений, слово взял Бретт и застрочил как из пулемета:

– Компания Южных морей была создана в 1711-м, акции стоили по сотне фунтов за штуку, пик пришелся на август 1720 года, когда акции стоили по тысяче фунтов за штуку, пузырь лопнул в сентябре 1720-го, и стоимость акций упала до сотни фунтов за штуку. Основной бизнес – работоторговля, кучу денег потеряли сэр Исаак Ньютон и Джонатан Свифт, тот, что написал «Путешествие Гулливера».

– Мне известно, кто написал «Путешествие Гулливера», я торгую книгами, – с достоинством произнес я.

– Точно. Ты живешь и работаешь в прошлом, Адриан. Весь день проводишь в окружении старых книг. Георгина говорит, что ты даже пишешь средневековую пьесу. Проснись, вдохни запах кофе, пришла пора делать серьезные деньги.

– Мы счастливы тем, что живем в деревне, мы – не материалисты, – ответил я.

И посмотрел на жену в поисках поддержки, но она, кажется, не слыхала ни слова из сказанного мною. Георгина любовалась ботинками Бретта, якобы сшитыми вручную девяностолетним венецианцем.

– Как бы то ни было, – продолжил я, – Пол Льюис из передачи «Копилка» на Радио-4 считает, что финансовый кризис не за горами.

– Я тоже так считаю, – подхватила мать. – Кожей чувствую приближение кризиса, а еще я наблюдаю за курильщиками. Когда люди начинают докуривать сигарету до самого фильтра, знайте, в стране неладно с финансами. Поэтому я запасаясь рисом, макаронами и свечками.

– Полин, – рассмеялся Бретт, – я работаю с финансами с утра до вечера, а часто и по ночам, я пользуюсь коррекциями Фибоначчи и пролонгациями по индикаторам Демарка с обратным отсчетом 9–5 и добавлением сложнейших математических уравнений. Так что прошу прощения, но я не стану принимать во внимание окурки.

Мать вспыхнула и сменила тему:

– Дорин умерла «хорошей смертью»?

Бретт в мельчайших и утомительных деталях поведал нам о предсмертных муках Дорин, заявив, что ее последними словами были: «Поднимите меня, я хочу увидеть почки на деревьях».

С этого момента я начал подозревать, что Бретт Моул – ненадежный рассказчик, мягко говоря. Ведь:

а) Дорин скончалась только вчера, когда почки уже давно распустились в листья;

б) мне доподлинно известно, что Дорин Слейтер ненавидела деревья. Она часто говорила: «Только посмотрите на них, стоят себе и стоят, словно болваны какие-то».

Отец отправился спать в десять часов, что было непривычно рано для него.

– Бедный Джордж, – сказала мать, – ему хочется в уединении оплакать Дорин.

А по-моему, не скорбь погнала отца в постель в такую рань, но зевотная, отупляющая, вгоняющая в ступор СКУКА.

В 11.45 в нашу дверь постучал молодой человек с мелированными волосами. Бретт представил его как Логана, «моего водителя», расцеловал всех в обе щеки, ткнулся носом в Грейси (она спала у меня на руках), шепнул *«Dors bien, ma petite»*²⁴, забрался на заднее сиденье своего автомобиля и отбыл. Стрекозу Сушеную похоронят на следующей неделе.

Когда мы вернулись в дом и уложили спящую Грейси в постель, Георгина сказала:

– Бретт пригласил нас погостить у него в Борнмуте после похорон.

– Нет уж, спасибо. Более невыносимого зануды во всей Англии не сыскать.

– Зануды? – переспросила Георгина. – А мне он показался совершенно очаровательным. И он так смешно рассказывал про Гая Ричи и Мадонну.

Я не понимаю своей жены.

Пятница, 10 августа

Прежде чем я уехал на работу, Георгина умудрилась упомянуть Бретта раз десять.

А цепляя в прихожей зажимы на брюки, я услышал, как она с моей матерью обсуждает по телефону проблему: Бретт – гей или нет.

– Он ни разу не заикнулся ни о жене, ни о подружке, – тараторила Георгина. – И он выглядит невероятно ухоженным.

Понедельник, 13 августа

Поехал навестить Найджела и попросить у него машину на время. Он заартачился, утверждая, что в последний раз, когда я брал машину, то вернул ее с пустым баком.

– Какая тебе разница? – спросил я. – Ты ведь сам не можешь ею пользоваться, и «любовь всей твоей жизни» Ланс тоже.

– Кто знает, возможно, это не на всю жизнь. А вдруг я влюблюсь в кого-нибудь с нормальным зрением и водительскими правами?

– В таком случае прекрати называть Ланса «любовью всей моей жизни».

– Ты прав, больше не буду, – кивнул Найджел. – Иначе он погрязнет в самодовольстве и совсем перестанет следить за собой. Он уже бреется не каждый день, но раз в два дня.

Я клятвенно пообещал Найджелу вернуть машину с полным баком, и в конце концов он нехотя согласился одолжить мне ее «на пару дней».

Выходя через кухню, я увидел Ланса. Он стоял у раковины в рубашке, галстук, футбольных трусах и стариковских шлепанцах.

Сократил потребление жидкости. Сегодня только десять посещений.

Четверг, 16 августа

После визита Бретта с траурной вестью и вплоть до похорон Дорин Слейтер мы судорожно пытались сообразить, чего от нас требует этикет. Прилично ли отцу появиться на похоронах бывшей любовницы? И должна ли мать его сопровождать? Оправдывает ли тот факт, что мы с Бреттом наполовину братья, мое присутствие в крематории? А моей жены?

²⁴ «Спи спокойно, малышка» (фр.).

А также являются ли похороны дедушкиной бывшей любовницы достаточным основанием для того, чтобы ребенок (Грейси то есть) мог пропустить школу?

Гугл говорит, что расстояние между Мангольд-Парвой и Борнмутом составляет 175,7 мили и дорога занимает три часа сорок шесть минут.

Добавим три санитарные остановки минут по десять каждая, затем десять минут на укладывание в багажник и последующее извлечение инвалидного кресла, и, поскольку похороны назначены на 11.30, получается, что мы должны выехать из свинарников в 7.04 ровно.

Пятница, 17 августа

Стартовали вовремя, но на выезде на М1 пришлось полчаса постоять в пробке. И откуда столько идиотов на дорогах, не имеющих никакого морального права там находиться? Они лишь путаются под колесами тех, кто сел за руль по уважительной причине. Не пора ли правительству встряхнуться и перенаправить грузовики в подземные туннели? Если уж они смогли запустить поезда под Ла-Маншем, то вырыть для нашего удобства подземные дороги, соединяющие большие и малые города, им тем более по плечу.

Из экономии мы перекусили прямо в машине бутербродами, заготовленными дома. По моему, отец проявил себя страшным эгоистом, настояв, чтобы на его бутерброд положили камамбер. Мать еще не успела открыть коробку с едой, а в машине уже завоняло. А когда мать сняла крышку, Грейси разревелась. Я немедленно открыл окна, после чего все принялись кричать, требуя, чтобы я их закрыл.

На А43 я немного сократил отставание от графика, но, объезжая Оксфорд, пришлось сбавить скорость из-за загруженности трассы, однако по А34 мы ехали с ветерком до самого Ньюбери.

К бунгало Стрекозы Сушеной мы подкатили одновременно с катафалком. Обочины вокруг дома были утыканы мотоциклами, а между ними стояли группы людей в черной коже, негромко о чем-то переговаривающихся.

Пока я вынимал инвалидное кресло и усаживал в него отца, катафалк двинулся по направлению к крематорию. Так что у нас не нашлось времени, чтобы заглянуть внутрь фантастического бунгало, сберегающего время и силы. Снаружи дом выглядел весьма банально, а вид на море не впечатлял – ни волноломов, ни собственно волн. Море, распластавшись, даже и не думало шевелиться.

«Ангелы ада» оказались не столько ангелами, сколько последствием демографического взрыва 1950-х. У многих из-под шлемов торчали седые волосы. Они окружили гроб Дорин мотоциклетным эскортом, и малочисленные прохожие оборачивались на нашу процессию.

В крематории высокий человек со смутно знакомым лицом выдал мне памятку с описанием церемонии и фотографией Стрекозы Сушеной.

– Привет, Адриан, – сказал он, – я Максвелл... Старший сын Дорин.

– Максвелл Дом! – воскликнул я.

– Никто меня так больше не называет, – буркнул сын Стрекозы.

Я выразил ему свои соболезнования.

– Она нарывалась на это, – поделился Максвелл, – носилась на мотоцикле как маньячка.

Бретт уже сидел в первом ряду, всхлипывая так, чтобы все видели и слышали. Когда мать, толкая кресло отца, двинулась по проходу, родня Дорин неодобрительно зашушукалась. Отец не отрываясь смотрел в пол, словно его невероятно заинтересовали каменные плиты.

Далее случилось небольшое замешательство – никто не знал, куда нас, Моулов, усадить. В итоге мы сели во втором ряду, сразу за Бреттом. Служба началась: небольшую часовню огласили звуки «Летучей мыши из ада» в исполнении Мита Лоуфа, а затем на кафедру вошел мужчина в черной коже с головы до пят и с длинными жирными космами. Дорин, сообщил он, в завещании указала, чтобы ее отпевали по гуманистическому обычаю, потому что, цитирую, «после того, как Джордж Моул бросил меня и вернулся к жене, я поняла: Бога нет».

Все головы повернулись к моему отцу, и он скрючился в кресле. Мать, напротив, с вызовом взирала на публику, бормоча себе под нос:

– Рыба ищет, где глубже...

Гуманист на кафедре, представившийся Риком, предложил желающим сказать несколько слов в память о покойной. Максвелл Дом (первый внебрачный сын Стрекозы Сушеной) встал и объявил, что, хотя его мать после расставания с Джорджем Моулом и страдала депрессией, позже она обрела счастье и единомышленников в борнмутском отряде «Ангелов ада».

Последний бойфренд покойницы, Йовил Тони, поведал присутствующим, как просил Дорин выйти за него замуж. Голос его дрогнул:

– Но она отказалась со словами: «Нет, я живу надеждой на возвращение Джорджа Моула». – Слезы блестели в глазах Йовила, когда он подытожил: – Она была чудесной женщиной.

Затем под песню Робби Уильямса «Ангелы» вперед вышел Бретт и сказал, что его мать прожила очень трудную жизнь. Анорексия доставляла ей невыразимые мучения, но находились черствые люди, которые дразнили ее, называя Стрекозой Сушеной.

– Да, это правда, мой отец Джордж Моул разбил сердце моей матери, но, думаю, в последние годы мне удалось сделать ее жизнь счастливее. На шестидесятилетие я подарил ей «харлей-дэвидсон», и вскоре она прославилась на весь Борнмут, – с удовольствием закончил Бретт.

После службы вместе с прочими скорбящими мы отправились в бунгало. Угощение оплатил Бретт – в основном это были горы овощей. Отец ворчал:

– Да я такой растительности сроду не видел. Сынок, не найдется тут кусочка ветчины или пирога со свининой?

Внезапно шторы начали сдвигаться и раздвигаться, свет включаться и выключаться, а колонки во всех комнатах взревели музыкальными произведениями. Пульт управления куда-то запропастился, хотя все гости искали его как заведенные. Моя мать попыталась силой удержать шторы открытыми, но Бретт заорал на нее:

– Отойдите от занавесок, Полин! Вы испортите таймеры, это тонкая электроника!

Дорогу домой осложнило то обстоятельство, что члены моей семьи заявляли о потребности опорожнить мочевой пузырь не одновременно, но вразнобой. Общим счетом мы оставались девять раз. В туалете автосервиса Уотфорд-Гэпа Георгина в поисках влажных салфеток залезла в сумку Грейси и обнаружила там пульт управления из бунгало Дорин.

Грейси утверждала, что не прятала пульт в сумку.

– Грейси, милая, если ты не перестанешь врать, – увещевала ее бабушка, – у тебя вырастет нос как у Пиноккио.

– Классно! – обрадовалась Грейси. – *Хочу* быть деревянным мальчиком.

Понизив голос, я сказал жене:

– В понедельник звоню школьному психологу.

Под конец этого мрачного дня блеснул-таки луч солнца: Гленн позвонил из Афганистана. Через десять дней он приезжает домой. Гленн спросил, ходил ли я в «Лоба» к Мальшу Кертису. Я соврал, сказав, что ходил. На следующей неделе придется туда тащиться.

Перед сном признался жене, что завидую несметным богатствам Бретта.

– Адриан, у него пустота внутри, – возразила Георгина. – Он говорит, что завидует тебе.

– Мне? Почему?!

– Потому что ты женат на мне. – С этими словами Георгина перевернулась на другой бок и мгновенно уснула.

Я лежал, не смыкая глаз, слушая, как кашляет мать за перегородкой. В 3.10 утра запела одинокая птица. В предрассветной тьме от этой песни почему-то щемило сердце.

Воскресенье, 19 августа

Поездка в четыре мили по идиллическому деревенскому ландшафту – я на велосипеде тащил за собой Грейси в маленьком прицепе, Георгина катила налегке, – мимо полей, где сборщики урожая обращали кукурузу в силосные снопы. Направлялись мы в Биби-на-Уолде, к отцу Георгины, мистеру Крокусу, везли ему в подарок «дюжину носких белых носовых платков», которые он потребовал на свой день рождения. Я не видел его несколько месяцев, и меня неприятно поразило то, как он изменился за это время. Крокус вдруг постарел. Похоже, неудача с «Оргосвеклой» сильно его подкосила.

А ведь Георгина говорила ему, что не надо вкладывать последние деньги в аппараты для переработки свеклы, но он, как всегда, из высокомерия не слушал ничьих советов.

Когда он пошел в «Логово драконов» и попросил 250 000 фунтов под 10 процентов годовых на развитие бизнеса, теле-«драконы» предложили ему минимизировать убытки, вылив свекольный сок в сточную канаву. Крокус наорал на них, обзавав близорукими дураками, и предрек, что они еще увидят его имя в списке богачей «Санди таймс». Запись этой передачи так и не показали, но не из-за нашего свекловода, а потому, что шотландский «дракон» Дункан Баннатин, владелец клубов здоровья, набросился на Крокуса чуть ли не с кулаками.

Отец Георгины сидел в своем кабинете и ворковал по телефону с бывшей женой Неттой. Рядом стоял стакан с «Оргосвеклой». Крокус, казалось, покрасил губы пунцовой помадой – зрелище не для слабонервных. Один из недостатков «Оргосвеклы» заключается в том, что напиток окрашивает рот. Грейси отказалась сесть к Крокусу на колени:

– Дедушка похож на тетю с бородой.

В доме моего тестя неуютно – слишком просторно и слишком темно, поскольку Крокус пользуется исключительно тусклыми энергосберегающими лампочками. И не пользуется центральным отоплением, утверждая, что оно крадет у матушки-земли драгоценные ресурсы. Мы сидели на кухне, прижавшись к дровяному обогревателю, и смотрели на дождь за окном в ожидании, пока Крокус закончит разговаривать по телефону и нальет нам чаю в честь своего дня рождения. Георгина испекла для отца торт, разрешив Грейси украсить его надписью «С днем рождения – 62!».

Ему шестьдесят два?! И он все еще собирает волосы в хвостик?!

Я притворился, будто интересуюсь его запасами «Оргосвеклы», и Крокус отвел меня в гараж, где рядами стояли бидоны.

– У меня осталась одна надежда – на поджигателя, – сказал мой тесть. – Хорошо бы он спалил этот гараж.

Приподняв седую лохматую бровь, он в упор посмотрел на меня. Я спросил, застраховал ли он своей бизнес.

– Я что, похож на идиота? – ощерился Крокус. – Разве в этом мерзостном современном мире можно что-нибудь сделать без страховки? И разве страховые компании не держат нас за яйца? Но когда я потребовал компенсации за украденную видеокамеру, то эти сволочи отказались платить.

– Так ведь у вас никогда не было видеокамеры, и в магазине вам не дали документа, подтверждающего покупку, для предоставления страховщикам.

– В былые времена джентльмену верили на слово, – прогудел Крокус.

– Но вы же ввали служащим в магазине, – напомнил я.

– Они *должны были* мне поверить, – скрипнул зубами тесть.

Невозможный человек.

Мы побрели обратно в дом, и он спросил, разобрался ли я со своими налоговыми проблемами. Снова написал Гордону Брауну и ожидаю ответа со дня на день, отчитался я.

– Надеюсь, ты не упомянул в письме, кто твой тесть, – пробормотал Крокус.

Неожиданно нагрянула Маргаритка, сестра Георгины, со своим мужем Умником Хендерсоном, и настроение у меня стало еще хуже. Я до сих пор с дрожью вспоминаю то время, когда я был помолвлен с Маргариткой. Спасся я чудом. Хендерсоны, оба, не любят детей, предпочитая проводить свободное время в фан-клубе «Звездного пути». Супруги – активные члены клуба, бойко говорят по-клингонски и переходят на этот язык, когда им удобно, а потом весело смеются (сострив на чей-нибудь счет, надо полагать?), что, на мой взгляд, является верхом неприличия.

Чаепитие протекало тягостно.

– Папа, тебе осталось всего три года до пенсии, – сказала Георгина.

Крокус презрительно рассмеялся:

– Если доживу.

– Ты болен, папа? При смерти? – всполошилась Георгина.

– Мы все *умираем*, доченька. Бессмертных среди нас нет.

– А ты скоро умрешь? – спросила его Грейси.

– Кто знает, – ответил Крокус и уставился в окно.

После чая Грейси развлекала компанию импровизированным концертом – песнями из «Классного мюзикла». Она «пела» с жутким американским акцентом в розовый пластиковый микрофон, немилосердно усиливавший ее голос. Когда кто-нибудь отвлекался, Грейси кричала:

– *Смотрите* на меня! *Смотрите* на меня!

Моя дочь скакала в проеме эркера, задерживая пыльные бархатные занавески между «номераами», и я завидовал ее уверенности в себе. Помнится, в ее возрасте я сбегал из дома, когда на семейных сборищах родители настоятельно просили меня прочесть стихотворение.

По дороге домой сказал жене, что впредь в гости к отцу она будет ездить одна.

– Это нечестно, – возмутилась Георгина, – я терплю твоих родителей каждый день без выходных!

Забравшись в нашу холодную супружескую постель поздно вечером, мы, не проронив ни слова, отвернулись друг от друга.

Понедельник, 20 августа

Выходя из магазина после работы, я столкнулся с доктором Пирс. Она с трудом тащила большую коробку с односпальным одеялом на гусином пуху (зимний вариант), и я вызвался докатить покупку до ее машины. Мой взгляд невольно упал на грудь моей спутницы, круглившуюся под летним платьем с низким вырезом, и я представил доктор Пирс нагой под пуховым одеялом. У меня пересохло во рту, и я ощутил дрожь в руке, той, что прижимала коробку с одеялом к седлу велосипеда. Когда мы добрались до фургона доктора, я помог ей засунуть коробку в багажник. Далее я несколько раз порывался уйти, но она удерживала меня, рассказывая, какое это счастье – долгие летние каникулы. Разоткровенничавшись, она сообщила, что у нее четверо детей и ее младшенький только-только сменил детскую кроватку на настоящую кровать.

В моем воображении возник иной образ доктора Пирс – осунувшейся, измотанной. Вот она из последних сил встает с постели, чтобы утихомирить орду вопящих детей. Я попрощался, сел на велосипед и уехал.

Вернувшись домой, я застал Георгину, Грейси, мать и отца во дворе, они грелись на вечернем солнышке. Наведаясь в квартиру родителей в поисках еще одного шезлонга и невольно заметил, что из сумки моей матери, брошенной на столике в прихожей, торчит рукопись ее книги.

ГЛАВА 6

Побег

Вечером в мой двенадцатый день рождения меня подвергли жестокой порке, родители стегали меня по очереди пряжкой отцовского кожаного ремня. Лежа во тьме в шкафу под лестницей, где я обычно спала на куче мешков, я замысливала побег. От родителей я слыхала о Сполдинге и, судя по тому, как они отзывались об этом городе, пришла к выводу, что Сполдинг – ворота в открытый мир. Я решила податься туда, как только трещины на ребрах заживут.

У меня не было никакой иной одежды, кроме картофельных мешков с прорезями для головы и рук, и никакой иной обуви, кроме сандалий, выкроенных из старых автомобильных покрышек и скрепленных грубой веревкой. Почему никто не замечал, какой оборванкой я выгляжу? Разве учительница не должна была осведомиться, почему я единственная в классе, кто не носит школьной формы? И неужто соцработник ни разу не проезжал мимо нашего дома, когда я, впрягшись в телегу, груженную картофелем, волокла ее на своих хрупких плечах?

Пятница, 24 августа

Днем в магазин зашло семейство. Судя по цветастой одежде, спортивным штанам и низким лбам, я бы отнес их к социально-экономической группе приобретателей дисков, но никак не книг.

Дети, все, кроме одного, страдали синдромом дефицита внимания. Мать, у которой во рту не хватало нескольких зубов, спросила единственного нормального ребенка, высокого мальчика с серьезным лицом:

– Зачем ты притащил нас в *этот* магазин? – Она подозрительно огляделась.

– Хочу купить книгу, – объяснил мальчик.

– У тебя чё, книжки нету? – не унималась мать.

– Хочу еще одну, – твердо ответил сын.

Тут вмешался я и повел мальчика в отдел детской классики. Мать нетерпеливо барабанила пальцами по прилавку. Отец, мрачно вздохнув, вышел наружу и закурил.

Я показал мальчику, как нужно обращаться с книгами в твердом переплете, и спросил, интересуют ли его пираты.

– Да-а, я видел их в кино, – ответил он.

Я снял с полки «Остров сокровищ». Мальчик открыл книгу, полистал, прочел несколько строк, шевеля губами.

– Местами эту книгу нелегко читать, но, поверь, она стоит усилий, – сказал я.

Он глянул на цветную иллюстрацию: здоровенный Джон Сильвер нависал над сундуком с сокровищами. Мой клиент вынул из кармана 10 фунтов. Книга стоила 15, но я вовремя прикусил язык и не стал указывать моему клиенту на цену.

Когда я клал деньги в кассу, мамаша пристала ко мне:

– А сдача с десяти?

– Извините, не полагается.

Выходя из магазина, мать воскликнула:

– Да ты, сынок, совсем рехнулся! Спустить даренные деньги на какую-то книжку! День рождения раз в год бывает!

Суббота, 25 августа

Утром сказал Георгине, что вернусь поздно, потому что должен навеститься в ночной клуб «Лох» и попытаться найти там Малыша Кертиса.

– Давай я тоже туда подьеду, – оживилась Георгина, – мы с тобой тыщу лет не танцевали.

– Я туда не развлекаться иду, но лишь для того, чтобы выполнить поручение Гленна.

Георгина обняла меня, поцеловала:

– Помнишь, как мы когда-то танцевали, до того, как поженились?

– Помню, голышом, и мне не хотелось тебя отпускать. Я думал о тебе днем и ночью. Похудел на десять килограммов, и краски тогда были намного ярче, и все, что я видел и слышал, напоминало о тебе.

Втиснувшись между нами, Грейси растащила нас в стороны:

– Хватит целоваться.

Не встрянь она, мы могли бы заняться любовью. Из-за такого стоило опоздать на работу.

Воскресенье, 26 августа

1 час ночи

Не имея опыта клубной жизни, я не сообразил, что «Лох» откроется в половине двенадцатого, не раньше.

Центр Лестера казался Диким Западом. Я пытался найти тихий паб, где бы можно спокойно почитать книжку, но тщетно. В конце концов я отправился к Уэйну Вонгу, где мне подали «фирменный ужин на одного». Попросил Уэйна заменить курицу в кисло-сладком соусе говядиной с черными бобами, но, к моему изумлению (я знаком с этим человеком тридцать лет!), он отказался:

– Если я сделаю это для тебя, Моули, мне придется делать то же самое для других, и тогда нам грозит хаос. Хаос!

Возраст не украсил Уэйна, он почти облысел и раздался вширь и теперь очень похож на надувного человечка с утиной физиономией из путеводителя «Мишлен».

Когда он принес мне еду, я полюбопытствовал:

– Так ты достиг своей великой цели – купить «ламборгини»?

– Нет, – буркнул Уэйн, – но спасибо, что напомнил.

Тогда я спросил, знает ли он, когда открывается «Лох».

– Я что, похож на человека, который интересуется подобной фигней? Я кручусь здесь по двадцать четыре часа в сутки без выходных. Вкалываю как заведенный.

– Деньги – это еще не все, Уэйн.

Смахнув со скатерти макаронину, он ответил:

– Деньги – это *все*, Моули. У меня двое детей, оба учатся в частной школе, родители в доме для престарелых, и недавно я запустил в аквариум новых золотых карпов, за которых с меня слупили пять сотен.

В одиннадцать я уже был у дверей «Лоха». Они еще не открывались. За мной начала выстраиваться очередь.

Парень в сетчатой майке скептически оглядел меня и сказал:

– В таком прикиде, братан, тебя туда не пустят, это против правил.

Рядом взвизгнула девушка:

– Долой «Барбери»!

Я снял шарф от «Барбери», купленный в «Марксе и Спенсере», и запихнул его в карман.

Ровно в 11.30 двери открылись и на нас пахнуло застоявшимся воздухом. Чернокожий красавец-великан вынес столбики и перегородил дверь бархатным шнуром. Я подошел к нему.

– Полегче, профессор, – вытянул он руку, – мы еще не открылись.

Я спросил, не знает ли он Малыша Кертиса.

– Это я и есть, – ответил он.

– У меня для вас сообщение из Афганистана, – продолжил я. Великан расхохотался. – Я – отец Гленна.

– *Того самого* Гленна? – уточнил Малыш.

– Да, я – мистер Моул, папа Гленна.

Девушка из начала очереди крикнула:

– Впусти нас, Кертис. Здесь холод собачий.

– Он просит, чтобы девушка, с которой он был здесь в последний раз, написала или позвонила ему в Афганистан, – объяснил я.

Великан взял клочок бумаги с войсковым адресом и номером мобильного Гленна:

– Это, наверное, Финли-Роуз. Я дам ей знать. Я ценю то, что ваш сын делает там для нас, мистер Моул.

Пожелав ему доброй ночи, я забрал велосипед из книжного магазина и двинул домой.

Георгина дожидаться не стала. Уснула.

Понедельник, 27 августа

Мать получила письмо из «Шоу Джереми Кайла» с приглашением принять участие в передаче, «дабы раз и навсегда прояснить вопрос об отцовстве вашей дочери Розы». Отцу мать ничего не сказала, опасаясь, что это его убьет, а с нас с Георгиной взяла клятву молчать. Если мать согласится пойти на «Шоу Джереми Кайла», я буду вынужден покинуть деревню, страну и Европу.

Вроде бы мистер Лукас – давнишний и случайный любовник моей матери – связался с этой передачей и наплел им, что он – настоящий отец Розы. Посреди рабочего совещания в книжном магазине я получил сообщение от Розы:

Алан Лукас? Что это за хрен?

Не успел я ответить, как пришло другое сообщение – от Георгины:

Приезжай скорее. Мама не в себе.

Мистеру Карлтон-Хейесу, должно быть, передалось мое волнение. Прекратив рассказывать о новых поступлениях, он спросил:

– Адриан, вам по телефону поступили плохие новости?

– «Шоу Джереми Кайла» связалось с моей матерью.

Хайтиш, наш практикант, шумно выдохнул. Этого парня мистер Карлтон-Хейес взял в магазин в минуту слабости, когда меня не было на месте. Хайтиш отлично понимал, что значит попасть на «Шоу Джереми Кайла». Однако у босса телевизора нет, и о текущих событиях он узнает из «Арчеров»²⁵. В мире мистера Карлтон-Хейеса «Кольцо Нибелунгов» Вагнера считается массовой культурой.

Я объяснил боссу, что «Шоу Джереми Кайла» – это такая телевизионная передача, на которой не очень умные люди обвиняют других не очень умных людей в своих несчастьях. Наличие супружеской измены и биологическое отцовство негодяи-телевизионщики определяют в основном с помощью детектора лжи и ДНК-тестов. Люди плачут и рыдают, когда на них набрасываются расщепившиеся бывшие возлюбленные, и науськивает их лично Джереми Кайл.

У мистера Карлтон-Хейеса был ошарашенный вид.

– Но почему, – недоумевал он, – человек соглашается на столь неприглядное публичное обнажение? – Его искренне занимал этот вопрос.

Вторник, 28 августа

Письмо по электронной почте от Розы:

Привет, братец,

Слушай, какой-то мужик позвонил мне по обычному телефону и сказал, что он мой настоящий отец. Зовут его Алан Лукас. Говорит, у него с мамой в восьмидесятых была любовь. А еще он говорит, что в то время вы с ним были друзьями не разлей вода, он возил тебя на каникулы в Шотландию и подарил швейцарский армейский нож с семнадцатью лезвиями. Это правда? Он хочет встретиться со мной, чтобы «возобновить отношения с дочерью». Говорит, ему одиноко и никого-то у него нет в жизни. Ему всегда не везло с женщинами. Все они оказывались злыми, расчетливыми

²⁵ «Арчеры» – еженедельный британский радиосериал о повседневной жизни провинциального семейства. Выходит в эфир на Канале-4 на протяжении многих лет.

тварями, которые забирали деньги, дома, машины, оставляя его ни с чем. Меня просто бесят «Британские телефонные линии». Я специально убрала свое имя из телефонного справочника, чтобы мне не звонили всякие уроды. Месяцами висела на телефоне, добиваясь удаления моих контактов, и, выходит, на хрен зря потратила время. Как думаешь, я смогу получить какую-нибудь компенсацию? Из-за звонка этого Лукаса я не пошла сегодня устраиваться на работу.

Люблю,

Рози.

Я немедленно ответил:

Дорогая Рози,

Как обычно, у тебя не получается с ходу сообразить, что важно, а что нет. Ты должна была встревожиться, узнав, что проныра Лукас навязывается тебе в отцы. (Да, я хорошо его помню. И у швейцарского армейского ножа действительно было семнадцать приспособлений. Ножницы пришлось очень кстати, когда я зажег волосы на лобке всего за пару минут до моего второго бракосочетания.)

То, что Лукас каким-то образом раздобыл номер твоего стационарного телефона, в данной ситуации далеко не самое главное. Ты ведь не можешь этого не понимать, верно? Лично меня более всего удручают претензии Лукаса называться твоим отцом. Это убьет папу (Джорджа Моула). Ты всегда была его любимицей. Как бы то ни было, Рози, пожалуйста, не рассказывай маме и (тем более) папе о звонке Лукаса.

Ади.

Среда, 29 августа

Опять письмо от Рози:

Ади, братан мой дорогой,

Ладно, согласна, претензии Алана Лукаса называть меня «дочкой» – полная жуть. Но если ты думаешь, что выдавать информацию о клиентах не является со стороны БТЛ нарушением этики, то мне тебя очень жаль. Мы живем в сталинистском государстве, Адриан, за нами следят и шпионят круглыми сутками. Если начистоту, Ади, в конечном счете не так уж важно, чья сперма оплодотворила мамино яйцо. Мой любимый художник Ризла говорит, что ты и твои электронные сообщения на него плохо действуют. Ему кажется, что Лукас – прикольный чувак. Женщины Ризлы его предали, поэтому он не может работать. Они отняли у него всякую уверенность в себе.

По-моему, папе надо рассказать, Адриан. Мы с Ризлой убеждены в необходимости тотальной честности.

Я ответил:

Рози, я буду тотально честен с тобой. Ризла – ленивый позер средних лет, который курит так много травки, что в голове у него уже не мозги, но густое месиво из паранойи и жалости к себе.

Умоляю, ничего не предпринимай, пока я не поговорю с тобой с глазу на глаз. Где ты будешь сегодня вечером?

Ади.

Ади,

Ризла говорит, что ты – типичный буржуа и материалист, который живет во лжи и вступает в сговор с обществом, чтобы «затоптать мир мечты». Он спрашивает, не мог бы ты прислать ему немного денег, ему нужно купить сотню рулонов туалетной бумаги. Он делает инсталляцию. Хочет обмотать туалетной бумагой «бумер» для декабрьской выставки. Он обращался к разным художникам и в «Тейт Модерн», но все его послали. Ему предлагали всякие дешевые марки, но ему требуется «Андрекс». Двух сотен хватило бы.

Люблю,

Рози.

Р. S. Если у тебя найдутся знакомые с «бумером», которые захотят спонсировать гениального художника, пожалуйста, сообщи.

Р. Р. S. А что касается личности моего настоящего отца, Ризла говорит, что сперма – штука вселенская и, по сути, у нас на всех одна мать и один отец. Говорит, что с удовольствием пойдет на «Шоу Джереми Кайла», чтобы довести до сведения всей страны свою жизненную и художественную программу.

Последнее письмо я показал жене.

– Он отстал на десять лет, – фыркнула Георгина. – Галерея «Черный ящик» из Северного Лондона выставила трехколесную машинку «робин рилайнт», обмотанную фирменной бумагой «Асда»!²⁶

– Художественная инсталляция, – возразил я, – не самая важная деталь в бессвязном письме Рози. Это и вправду может убить отца.

– Все мы когда-нибудь умрем, – ответила Георгина.

Позвонил матери на мобильник и договорился встретиться с ней в «Медведе». Я особо подчеркнул, что хотел бы пообщаться наедине. В паб мы шагали под пронизывающим ветром, и на нас непрестанно падали золотистые, коричневые и красные листья. Мать жаловалась, мол, вот опять осень, а лета опять как не бывало.

Полночь

Вечер мы в основном провели на холоде. Мать заявила, что не в состоянии обсуждать проблему Лукаса, Рози и Джереми Кайла «без сигареты в зубах». Мы сели перед пабом за страшно неудобный шаткий столик под никому не нужным зонтом с рекламой пива «Карлинг Блэк Лейбл». Побеседовать толком практически не удалось. К нам постоянно подсаживались курильщики, включая почтенного Хьюго Фэрфакс-Лисетта из Фэрфаксхолла, он похвалил «леопардовый» плащ матери и шляпку в тон.

– Чертовски утомительно, – блеял он, – выходить каждые пять минут, чтобы затянуться. Мы хотим поддержать местный паб, но что за выпивка без пачки курева и «фронсона» на столике?

²⁶ «Асда» – британская сеть супермаркетов.

Мать принялась гневно обличать непревзойденное умение новых лейбористов «портить нам удовольствие».

Фэрфакс-Лисетт припомнил властям охоту на лис, запрет на игру в каштанчики на школьном дворе²⁷ и политическую корректность. Обычно подобные речи действуют на мать как красная тряпка на быка, и я опасался ее реакции. Однако, к моему удивлению, она кивала и охала, не сводя глаз с обветренного, но все же аристократического лица Фэрфакс-Лисетта. Когда он протянул ей пачку «Данхилла», я заметил, как их руки соприкоснулись, а когда он поднес матери зажигалку («фронсон», разумеется), они обменялись взглядом. Я уже видел раньше этот взгляд – он всегда предвещает катастрофу.

По дороге домой, пока мы старательно огибали лужи, я внушал матери простую мысль: ни под каким видом ей нельзя появляться на «Шоу Джереми Кайла». Я заставил ее поклясться жизнью Грейси, что она даже не станет разговаривать ни с кем из команды Кайла, когда они снова с ней свяжутся.

– Хотя это была бы хорошая возможность впустить свежий воздух в их затхлую реальность, – задумчиво произнесла мать.

– Если тебе хочется свежего воздуха, купи вентилятор. Но ни в коем случае не положи наше семейное белье на пубlique.

– Адриан, если честно, я никогда не была уверена в том, кто отец Розы. Понимаешь, она лишена неуклюжести Моулов. Этой бестолковости, этой криворукости, неспособности пройти по посудному отделу в универмаге без того, чтобы не задеть рукавом или полкой пальто какую-нибудь ценную вещь...

Мать определенно намекала на эпизод в лестерском магазине, когда я, восьмилетний, задел рукавом зимнего пальто, купленного на вырост, дорожную супницу.

– Есть более веские доказательства, мама. Розы – вылитая пронира Лукас: смуглая кожа, черные волосы, карие глаза. Она всегда была кукушонком в нашем гнезде.

Дальше мы шли молча до самого дома. За дверью родительского жилья звучала музыкальная заставка к реалити-шоу «Большой брат», сквозь щель под моей входной дверью просачивалась заунывная мелодия «Аллилуйи».

Когда Георгина включает Леонарда Коэна, это сигнал для меня: жди беды.

Четверг, 30 августа

Посреди ночи я встал по малой нужде и обнаружил в гостиной Георгину за ноутбуком. Леонард Коэн тихонько мурлыкал о некоей Александре, которая куда-то уходит от него.

Завидев меня, Георгина быстро свернула страницу и предложила:

– Отнес бы ты свой мочевого пузырь к доктору, Адриан.

Довел до ее сведения, что уже четыре часа утра.

– Я предпочитаю жить в рок-н-рольном режиме, – отрезала Георгина.

Постель остыла, пока я ходил в туалет. Печальная осень сгущается над нами.

²⁷ Охота на лис, традиционная английская забава для взрослых, была официально запрещена в 2006 г. под давлением защитников прав животных. Однако неофициально, что называется «по тайному сговору», и в основном на частных землях охота на лис продолжается. Каштанчики – также традиционная забава, но для детей. Двое игроков, вооружившись каждый каштаном, привязанным к толстой нитке или бечевке, наносят удары по каштану соперника, пока один из каштанов не расколется. На территории многих британских школ игру запретили из опасения несчастных случаев среди детей и аллергических реакций на каштаны.

Пятница, 31 августа

Принес жене подарок – книжку Найджеллы Лоусон «Как стать домашней богиней».

Георгина вяло поблагодарила, открыла книгу наугад, поморщилась:

– Анчоусы, ненавижу анчоусы. – И закрыла.

Меня словно ножом пырнули, и я поскорее вышел из комнаты, чтобы не сказать чего-нибудь лишнего.

В доме было неприбрано, в раковине – грязные кастрюли. Когда я мягко спросил жену, что она делала целый день, Георгина разразилась отповедью: у меня невроз навязчивых состояний, а у всех цивилизованных людей имеется посудомоечная машина. Перемывая гору посуды, я слушал «Арчеров» – у Рут Арчер проблемы с протезом, она хочет переделать грудь, и ей надо убедить Дэвида в необходимости этой реконструкции. Журчание воды побудило меня дважды посетить туалет – черт знает что! Несомненно, причина кроется в нервной системе, ведь после того, как я помочусь, остается ощущение, что мочевого пузырь по-прежнему полон. Наверное, все же стоит сходить к врачу.

Мне не с кем поговорить о моих проблемах, кроме Найджела. Проверив в интернет-банкинге свой баланс (перерасход в 349,31 фунта), позвонил Найджелу узнать, могу ли я зайти к нему завтра после работы. Он нехотя согласился.

Грейси у себя в комнате играла с куклами в социальных работников. Барби и Кен сочетались браком с куклами Братц, и Синди (в деловом костюме и с кейсом) грозила забрать ребенка Барби (крошку Анабеллу) под государственную опеку. Рядом с крошкой Анабеллой Барби выглядит карлицей, но это обстоятельство Грейси совершенно не беспокоит. И где только моя дочка черпает сведения о деятельности соцработников? Кожей чувствую влияние моей матери – она обожает рассказывать жуткие истории о тех несчастных, что живут в муниципальных домах. Я долго просидел у Грейси. В конце концов крошку Анабеллу отдали на воспитание медвежонку Паддингтону и его жене (пунцовому Маленькому Пони), которые обитают в доме Венди, превращенном в сиротский приют. Когда мне поручили роль шафера на свадьбе Почтальона Пата и телепузика Тинки-Винки, я сказал Грейси, что большинство мамочек и папочек любят друг друга и своих детей. И поинтересовался, почему она не играет в счастливые семьи. Но Грейси не ответила, она была слишком занята прилаживанием подвенечной фаты на голове Почтальона Пата.

2 часа ночи

Пытался растормошить Георгину: гладил ее по бедру, мял плечо – все как всегда, но она не откликнулась. Спустя некоторое время я сдался и повернулся к ней спиной.

Сентябрь

Суббота, 1 сентября

В магазине выдался тяжелый день. Наплыв посетителей, и у половины из них мозги были набекрень. Один из таких безумцев интересовался изданиями об НЛО, я подвел его к полке, но, когда он принялся рассказывать о двухметровых инопланетянах, которых он видел собственными глазами разгуливающими по полю на окраине Маркет-Харборо, я сбавил его Хайтишу – наш практикант свято верит в то, что башни-близнецы были взорваны по приказу ЦРУ.

Когда я приехал, Найджел с Лансом Ловеттом смотрели «Холлиоукс»²⁸ в темноте. Знаю, это глупо, но меня раздражает то, что они вообще не включают в доме свет. Странно видеть двух слепых перед телевизором, заметил я, на что Найджел ответил:

– Но мы ведь слышим звуковые эффекты и диалоги, Моули, да и телевидение нам обходится в два раза дешевле, чем зрячим.

Бог знает, что им дает прослушивание «Холлиоукса». Звуковая дорожка состоит в основном из хлопанья дверей, рыданий, ссор, мордобоя, занятий любовью и ошеломляющих откровений, когда наконец выясняется, кто чей отец или мать. Началась реклама. Найджел приглушил звук и повернулся ко мне. Я рассчитывал поговорить с ним наедине, но Ланс и не думал вставать с дивана, а я не мог из соображений приличий попросить слепца поискать себе какое-нибудь другое место, так что я поведал им обоим о моих многочисленных и разнообразных проблемах, начиная с «Шоу Джереми Кайла» и кончая явно удрученным состоянием жены. В ответ Найджел произнес речь, оснащенную, на мой взгляд, чрезмерным количеством метафор:

– Ты сорвал редкую орхидею и запер ее в темном сарае. Забывал ухаживать за ней и уделять ей достаточно внимания. Стоит ли удивляться, что она отчаянно пытается выжить? Георгина как пойманная птица со сломанными крыльями, она – яйцо Фаберже, которое ты сварил в мешочек и съел на завтрак...

Я оборвал его, когда он попытался уподобить Георгину потухшему вулкану.

– Сегодня утром я долго беседовал с Георгиной по телефону, – взял слово Ланс. – Она сказала, что ваша сексуальная жизнь напоминает пустыню Калахари. Вы будто с трудом преодолеваете зыбучие пески, взбираясь на дюну, но редко достигаете этой вершины вместе.

Найджел с Лансом захихикали.

– Возмутительно! – Я вскочил с дивана. – Не ожидал, что моя жена выбалтывает вам самые интимные подробности нашей личной жизни. Это похоже на предательство.

– Кончай рвать на себе трусы, – беззаботным тоном произнес Найджел. – Женщины только и делают, что делятся с геями своими самыми страшными тайнами.

– Мы – хранители знания, – подхватил Ланс, – и наша осведомленность не ограничивается дизайном интерьеров. – Оба опять засмеялись.

Я оглядел их гостиную. Каким-то образом, несмотря на слепоту, они умудрились подобрать занавески, ковер и подушки в тон.

Может, у гомосексуальных мужчин имеется лишний ген, ответственный за декораторский талант?

²⁸ «Холлиоукс» – британский молодежный сериал, стартовавший в 1995 г.

Дома я застал мать, они с Георгиной обсуждали проблему Лукаса и Джереми Кайла. Меня крайне встревожило направление их беседы: обе склонялись к тому, чтобы, по выражению матери, «очиститься – выложить все без утайки и поставить наконец точку в этой истории». Я пылко и, по-моему, красноречиво убеждал их в настоящей необходимости держать семейные секреты под спудом и не докапываться до правды, но, к моей досаде, они лишь глянули на меня с недоумением и жалостью, а затем продолжили беседу. Грейси сидела у отца, смотрела «Волшебника страны Оз» в 79-й раз (отец считает), поэтому я отправился на кухню и занялся моей пьесой «Чума!». Сочинил монолог жертвы чумы.

СЦЕНА VI

Деревня Зеленая, Мангольд-Парва. Базарный день. Стая собак пересекает сцену слева направо. На середину сцены выходит курица, откладывает яйцо, а затем уходит в правую кулису. Деревенские жители продают и покупают сельскохозяйственную продукцию. Жертва чумы, едва волоча ноги, появляется из левой кулисы и обращается к публике. Деревенские жители в страхе пятятся.

ЖЕРТВА ЧУМЫ (*обращаясь к публике*). Ох, зрю, опасливо сторонитесь вы моего бедного больного тела. Ни единый мужчина, ни женщина единая не дотронется до моей гниющей плоти, не утешит меня ни лаской, ни добрым приветом. Смерть караулит меня за углом, ибо никому не жить, ежели чума коснулась его. Я не хочу покидать этот мир. В нем так много чудес, коих я еще не повидал. Слыхал я, что к востоку отсюда лежит море и корабли отплывают по нему в заморские земли, к югу высятся священные камни, прозванные Стоунхенджем, а на западе распростерся град великий Лестер, где множество блистательных зданий такого великолепия, что простой люд в изумлении трет глаза, думая, что не наяву они видят все это, но во сне.

К жертве чумы приближается крестьянка.

КРЕСТЬЯНКА. Прочь, ты, зачумленный дьявола! Схоронись в глубокой яме, смрадное отродье, и умри! Не подобает тебе навешиваться в общественные места!

ГОДФРИД проталкивается сквозь толпу к центру сцены.

ГОДФРИД. Сжальтесь над несчастным. Ужель плоть его отлична от вашей? Ужель не наделен он сердцем, душой и чреслами – творениями Господними?

ГОДФРИД раскрывает объятия и приближается к жертве чумы.

ГОДФРИД. Приди ко мне, ты, мерзостный. Дай обнять твое человеческое естество.

ГОДФРИД заключает жертву чумы в объятия. Толпа выпускает шумный вздох. Стая собак появляется из левой кулисы и окружает ГОДФРИДА и жертву чумы. Собаки одновременно и слаженно склоняют головы, словно в молитве.

Я доволен тем, что у меня получилось. Наверное, нелегко заставить собак разом опустить морды, но времени натаскать их у нас еще достаточно. А вот с курицей могут возникнуть проблемы.

Понедельник, 3 сентября

Георгина позвонила на работу и рассказала, что с восьми утра звонила в приемную нашего врача, чтобы записать меня на прием, но линия была постоянно занята.

Когда она наконец пробилась, миссис Лич из регистратуры твердо заявила:

– Сейчас восемь тридцать пять. Для того чтобы записаться на прием, нужно звонить до восьми тридцати.

Георгина объяснила, что тщетно набирала номер с восьми часов, но миссис Лич осталась непреклонна:

– Если я не стану придерживаться правил, здесь начнется анархия.

Тогда Георгина попросила записать меня на завтрашнее утро, но миссис Лич ответила:

– Нет, так не положено. Звоните завтра с восьми до половины девятого.

Георгина призналась, что негромко, но выругалась. Миссис Лич отреагировала так:

– Я слышала вас, миссис Моул. Вероятно, вам следует знать, что наш разговор записывается в целях обучения персонала.

Теперь жена хочет обратиться с официальной жалобой в Британскую медицинскую ассоциацию, поскольку она не давала разрешения на запись своего голоса.

По-моему, настраивать против себя даму из регистратуры – крайне ошибочная тактика.

Вторник, 4 сентября

В 7.59 утра позвонил в приемную нашего терапевта. Миссис Лич ответила мгновенно:

– перезвоните ровно в 8.00

Позвонил в 8.00. Линия была занята. Позвонил в 8.15, крутя педали по дороге на работу. В 8.25 в трубке наконец раздались длинные гудки, но миссис Лич меня не слышала, потому что в этот момент меня обгоняла пожарная машина с включенной сиреной. Заехал на тротуар, слез с велосипеда, но миссис Лич уже отключилась. Снова попытался, но было опять занято. Хорошо, что я не страдаю серьезным заболеванием, требующим неотложного врачебного вмешательства.

Дозвонился в 8.31 лишь затем, чтобы узнать от миссис Лич, что я опоздал записаться на прием.

10.15 вечера

Только что разговаривал с доктором Пирс по мобильному, она спрашивала, есть ли у нас в магазине книга под названием «Да, я хочу заняться сексом с тобой». Я очень удивился ее звонку, особенно если учесть, что просто знакомые обычно не звонят в столь поздний час. К несчастью, жена услышала, как я, записывая название, говорил в трубку: «Да, я хочу заняться сексом с тобой». Когда я закончил разговор, пообещав доктору Пирс «выполнить ее заказ завтра», на кухню ворвалась Георгина и обвинила меня в супружеской измене. Я уверял ее, что ни в чем не виноват, но она кричала:

– Лживая скотина, я все слышала!

– У книги «Да, я хочу заняться сексом с тобой», – втолковывал я, – имеется подзаголовок «Первый сексуальный контакт: пособие для подростков». – Но жена была слишком разгневана, чтобы внять голосу разума.

Последний раз, когда я заглядывал в дневник Георгины, она с восторгом писала о командирских замашках Хьюго Фэрфакс-Лисетта – как в прошлом месяце он браво руководил откачиванием воды из полузатонувшего коттеджа старого Уилла Фроста на Холлу-лейн.

Дорогой дневник, ведь это хорошо известный факт: измену часто подозревает тот, кто сам не верен супругу. Стоит нам появиться в «Медведе», как Фэрфакс-Лисетт тут как тут. Что это, простое совпадение?

Среда, 5 сентября

Полицейский эксперт-криминалист из Мичигана была уволена за то, что пользовалась лабораторными приборами для исследования трусов своего мужа на ДНК. На бракоразводном процессе 32-летняя Энн Чемберлен признала, что тестировала нижнее белье мужа в Государственной лаборатории внутренних дел, потому что подозревала супруга в неверности. Когда ее спросили, что показали результаты анализа, она коротко сообщила: «Он был с женщиной. Не со мной».

Я показал эту газетную заметку жене и предложил ей протестировать все трусы, которые я носил с воскресенья.

– Поздно, – ответила она холодным тоном, – я перестирала их с отбеливателем при шестидесяти градусах.

Четверг, 6 сентября

В 8.01 отправил факс миссис Лич с просьбой о записи на прием. И сразу же получил ответный факс с уведомлением: «Запись на прием к специалисту производится исключительно по телефону».

Пятница, 7 сентября

Отправил миссис Лич письмо по электронной почте с просьбой ответить на мой телефонный звонок ровно в 8 утра. В 8.02 пришло письмо от миссис Лич, она сообщала, что в данный момент тридцать человек ждут от нее ответа на линии.

Приехав на работу, я прошел в подсобку и позвонил на горячую линию Национальной службы здравоохранения. Побеседовал с очень любезной женщиной, описал ей свои симптомы (частое мочеиспускание, боль во время вытекания урины, нестабильная струя и порой боль в половом органе). Я слышал, как она пробежала пальцами по клавиатуре, а затем сказала:

– Вам нужно немедленно обратиться к врачу.

Тогда я поведал ей о трудностях, с которыми столкнулся, пытаясь записаться на прием. Она посоветовала отправиться в отделение скорой помощи при местной больнице и подчеркнула, что откладывать медосмотр нельзя. Я поблагодарил и повесил трубку. Весь день меня снедала гнетущая тревога. На полке с медицинской литературой нашел «Симптомы и диагнозы». Продиагностировал сам себя и пришел к заключению, что у меня сильное воспаление мочевого пузыря. Симптомы указывали также на рак простаты, но, слава богу, для

этого я слишком молод. Любой дурак знает, рак простаты поражает исключительно стариков, а мне в следующем апреле исполнится только сорок.

Суббота, 8 сентября

Я долго искал «Да, я хочу заняться сексом с тобой», книжка обнаружилась в отделе художественной литературы для подростков. Когда я заметил Хайтишу, что это научно-популярная литература и, следовательно, книга должна стоять в медицинском отделе, наш практикант с юношеским нахальством заявил:

– Простите, мистер Моул, но я думал, что никого, кроме подростков, секс особо не интересует.

Недавно он начал встречаться с англичанкой по имени Челси Хоур, которая на свое восемнадцатилетие сделала операцию по увеличению груди. Индеец Хайтиш встречается с ней тайком от своих родителей, они убьют его, если узнают.

Я считал своим долгом объяснить ему, что людям моего возраста тоже не чужд интерес к сексу.

Он ошалело посмотрел на меня.

Пареньку еще многому надо научиться. Издания, посвященные Лейбористской партии, он постоянно отправляет в отдел истории.

Прямо перед закрытием в магазин ворвалась доктор Пирс с двумя пакетами из «Матери и дитя» и спросила, приготовил ли я для нее «Да, я хочу заняться сексом с тобой». Доктору не мешало бы помыть голову и надеть юбку пошире – в той, что на ней была, чересчур узкой, у нее заметно выпирал живот. Я направился в подсобку и с некоторым замешательством обнаружил, что доктор Пирс последовала за мной.

– Боже, сколько книг! – огляделась доктор. – Тесновато для двоих, как думаешь?

С великим облегчением я услышал дверной колокольчик, но, выйдя в зал, оторопел – в магазин пожаловали Георгина с Грейси.

– Почему ты стоишь в темноте? – спросила Грейси.

Не успел я ответить, как из подсобки выплыла доктор Пирс:

– Огромное вам спасибо за прекрасное обслуживание. Вы умеете найти подход к каждому клиенту. Как же мы огорчимся, когда независимые книжные магазины исчезнут.

Подхватив свои пакеты, доктор удалилась, а я поинтересовался у Георгины, что она делает в городе. Оказалось, она сожалеет о нашей ссоре, берет свои обвинения обратно и по такому случаю предлагает поужинать всем вместе в заведении Уэйна Вонга. К несчастью, когда мы шагали в ресторан, мимо проехала доктор Пирс. Притормозив, она окликнула меня:

– Адриан, забыла спросить, нельзя ли заказать продолжение «Да, я хочу заняться сексом с тобой»? По-моему, оно называется «Извини, но я больше не хочу заниматься сексом с тобой».

В этот миг я осознал, что мне не придется орудовать палочками для еды ни сегодня вечером, ни в обозримом будущем. Георгина выпустила руку Грейси, развернулась и застучала шпильками вверх по улице.

Дневник, кто бы осудил меня, продолжи я путь в ресторан Уэйна Вонга? В конце концов, с утра у меня во рту не было ничего, кроме батончика «Твикса», и я с наслаждением предвкушал жаренные в масле клецки, говядину с имбирем и ароматную лапшу. Однако я повернул назад следом за женой.

– Почему мамочка от нас убегает? – спросила Грейси.

Я объяснил, что мамочка тренируется для участия в любительском марафоне.

Воскресенье, 9 сентября

Скандал из-за доктора Пирс не утихал до глубокой ночи. Я совершенно вымотан и опустошен. Георгина не стеснялась в выражениях, часто жестоких и несправедливых, она разнесла в пух и прах свойства моего характера, мою наружность, манеру одеваться, моих родителей, то, как я ем, сплю, пью, хожу, смеюсь, храплю, постукиваю по зубам, щелкаю костяшками пальцев, рыгаю, пукаю, протираю очки, танцую, ношу джинсы, подтягивая их до подмышек. Я не смотрю «Икс-фактор»²⁹ и «Большого Брата», безобразно вожу машину... Скорбное перечисление перемежалось слезами и рыданиями. Я пытался обнять ее, утешить, но она отталкивала меня с криком:

– Обнимайся со своей докторшей Пирс! Тебе ведь этого хочется!

Я возражал: частые роды пагубно сказались на сексуальной привлекательности доктора Пирс, и хуже того, она перестала следить за собой.

– Твоя мать предупреждала меня, – причитала Георгина, – мужчины в семье Моулов привередливы, их женщины не должны весить больше шестидесяти с половиной кило! Я *старалась* похудеть, Адриан, но ты требуешь, чтобы в доме не переводилось шоколадное печенье!

В полночь, когда жена наконец заснула, я вышел на улицу. Ярko светила луна, восточный ветер молотил по живым изгородям, пока я, спотыкаясь, шел по подъездной дорожке – она была вся в ямах, – чтобы позвонить Пандоре. Я собирался оставить сообщение – Пандора почти никогда не берет трубку, – но она ответила сразу же:

– Господи, что случилось? У вас кто-то умер?

Я извинился за поздний звонок и объяснил, что мне срочно нужно с ней поговорить.

– Слушай, – в ее голосе послышалось раздражение, – как раз сейчас я работаю над стратегическим документом для администрации Гордона Брауна. Бумаги должны быть на его столе в восемь утра.

Из вежливости я спросил, что за документ столь неотложно потребовался мистеру Брауну.

– О тритонах, – с некоторой заминкой ответила Пандора, – заслуживают ли они статуса охраняемого вида.

– Возможно, я могу тебе с этим помочь. Помнишь, ведь я когда-то работал в Департаменте охраны окружающей среды.

– Еще бы не помнить.

– И я специализировался как раз на популяциях тритонов.

– Ага, и ты дико облажался, оценив численность тритонов в Ньюпорт-Пагнелле в сто двадцать тысяч, когда на самом деле их было только тысяча двести, но из-за тебя новую объездную дорогу не строили десять лет.

– Откуда ты знаешь? – удивился я.

– Из Интернета. Твой доклад вывешен на сайте www.prokolyexpertov.com.

– Почему мистер Браун так интересуется тритонами?

– Правительство задумало модернизировать законы о землепользовании, а эти чертотритоны и редкие орхидеи мешают нашей элите, надрывающейся на службе, перебраться, при условии наличия пристойного жилья, в экогорода, которые мы собираемся построить.

²⁹ «Икс-фактор» – британский телевизионный конкурс молодых талантов.

– Что, у мистера Брауна нет более важных дел? – спросил я. – Например, Ирак, двадцатимиллионные долги Лейбористской партии или государственные больницы, которые кишмя кишат всякими смертельными инфекциями.

– Он – убежденный микроэкономист, – сказала Пандора. – Спит всего три часа в сутки. Говорят, он начал замазывать мешки под глазами тон-кремом от Элизабет Арденн.

Пандора обожает скармливать мне подобные сплетни. На середине увлекательного повествования о том, чем закрашивает седину Джефф Хун³⁰ (продукцией «Гарнье»!), я перебил ее, сказав, что моя жена, кажется, меня ненавидит.

– Пора бы тебе к этому привыкнуть, – рассмеялась Пандора. – Разве не все твои отношения с женщинами заканчиваются катастрофой? А как насчет той подружки, которая спалила твой дом?

– Она была клинической сумасшедшей, – запротестовал я.

– Да, но она тебе *нравилась*.

На платане рядом с телефонной будкой проухала сова, напомнив, что если я не вернусь домой и не посплю хотя бы пару часов, то завтра буду ни на что не годен.

Пожелав Пандоре спокойной ночи, я добавил:

– Я буду любить тебя всегда.

Пандора помолчала, а потом спросила:

– Я не ослышалась, у тебя там и правда сова ухала?

Да, ответил я, и в трубке раздались короткие гудки.

Понедельник, 10 сентября

Утром ни Георгина, ни Грейси со мной не разговаривали. Это уж чересчур, когда родное дитя тебя бойкотирует.

Я обслуживал клиента, молодого человека с ужасными зубами, которому понадобился «Оксфордский путеводитель по английской литературе» Маргарет Дрэббл, но не успел закончить – извинившись, я двинул в туалет. Мистер Карлтон-Хейес подменил меня.

Проводив клиента с жуткими зубами, босс задал мне вопрос:

– Адриан, дорогой мой, я не мог не заметить, что ваши посещения туалета с каждым днем учащаются. У вас плохо со здоровьем или это нервический недуг?

Я почувствовал, что краснею. От объяснений меня спасла женщина в ярко-розовой тунике и оливково-зеленых лосинах. Решительно подойдя к прилавку, она спросила книгу «Одевайтесь правильно!»³¹.

Обычно мы с мистером Карлтон-Хейесом в течение дня пьем чай или кофе, но после его расспросов я резко сократил потребление жидкости. Однако в туалет бегать не прекратил. Когда, в последний раз выйдя из кабинки, я мыл руки, мистер Карлтон-Хейес подошел ко мне и тронул за плечо:

– Адриан, прошу вас, проконсультируйтесь с кем-нибудь касательно вашей мочеиспускательной проблемы. Какие-нибудь еще симптомы имеются?

Я бы предпочел ползать по битому стеклу, нежели рассказывать мистеру Карлтон-Хейесу о боли, которая возникает порою, когда я мочусь. Однако сходить к врачу я пообещал.

³⁰ Джеффри Хун (р. 1953) – видный британский политик, занимавший ряд ключевых постов (включая должность министра обороны) в администрациях лейбористских премьер-министров Тони Блэра и Гордона Брауна.

³¹ Книга Тринни Вудолл и Сюзанны Константайн «Одевайтесь правильно!» вышла в издательстве «Фантом Пресс» в 2006 г.

В половине шестого позвонил жене предупредить, что я направляюсь в отделение скорой помощи Королевской больницы.

– Давно пора, – буркнула она.

Отделение скорой помощи слегка смахивало на третий мир. Пациенты в ожидании приема сидели на пластиковых стульях в плохо освещенном коридоре. Некоторые были окровавленными, другие скрюченными, большинство явно бедными, и по крайней мере у троих наблюдались сплюснутые носы и синюшные лица бездомных алкоголиков. Там были перепуганные молодые родители с орущими младенцами, годовалый ребенок, у которого из носа текла кровь, и древняя старуха с надсадным кашлем. Врач принял меня только в половине десятого. Это был молодой доктор с рыжими волосами. Пока я описывал мои симптомы, он непрестанно зевал, а затем спросил:

– Разве у вас нет терапевта по месту жительства?

Я рассказал, как трудно записаться к нашему врачу. Кивнув на дверь, за которой его ждали больные, он протянул:

– Да-а, вот почему мы работаем по двадцать четыре часа в сутки. А ваш терапевт, случаем, не приобрел ли недавно новую машину?

– Как вы угадали? Действительно, раньше у него был фургон «вольво», но несколько месяцев назад он пересел на внедорожник «мерседес».

Доктор Тим Куган (его имя я прочел на карточке, пришпиленной к халату) торжествующе захохотал:

– Я же говорю, что участковые терапевты – наши новые богатые. Эти сволочные проныры работают вполсилы меньше за вдвое большие деньги.

Казалось, он забыл обо мне и о моих симптомах. Пришлось напомнить:

– Так мне стоит беспокоиться из-за частого мочеиспускания?

– Понятия не имею. Давайте на вас поглядим. – Ловко натянув голубые перчатки, врач приказал: – Забирайтесь на смотровой стол. Снимайте брюки, трусы и подтягивайте колени к груди. Я вам сейчас устрою ПРО.

Глядя, как доктор сует указательный палец в банку с надписью «Смазка», я сожалел, что надел боксерские трусы, которые после стирки сильно порозовели.

– ПРО? – переспросил я.

– Пальцевое ректальное обследование. – Доктор уже елозил указательным пальцем в моем заднем проходе. – У вас классические признаки неполадок с простатой.

– Нет, это не может быть простата, – натужно улыбнулся я. – Знаю, я выгляжу старше своих лет, но мне только тридцать девять с половиной.

Дневник, я понимаю, что мужчина, который много легче относится к себе и своему телу, воспринял бы все происходящее куда поверхностнее. Высмеял бы обследование, проведенное доктором Куганом, либо выругался, прибегнув к смачным выражениям игроков в регби. Но я не такой мужчина.

– Постарайтесь расслабиться, – велел доктор.

Господь свидетель, я старался, дневник. Припоминал упражнение по релаксации, которому меня учил психотерапевт много лет назад, – предлагалось вообразить, будто плывешь в синем море мимо необитаемого острова.

Доктор Куган попробовал пошутить:

– Если не расслабитесь, мистер Моул, мой палец застрянет в вашей заднице навсегда.

Страшным напряжением всех психических сил я расслабил ректальные мышцы, и доктор наконец извлек свой палец.

– Ух, – прокомментировал он, – редко встретишь такие мощные мышцы.

Я натянул трусы с брюками и сказал:

– Да, меня и раньше называли анально-ретентивным.

Швырнув голубые перчатки в мусорную корзину и вымыв руки в маленькой раковине, доктор сел за стол:

– Я напишу записку вашему терапевту с просьбой взять у вас кровь на анализ. – Нацарапав записку, он положил ее в коричневый конверт.

По пути на автостоянку я прочел то, что он написал.

*Уважаемый доктор Вулфовиц,
Сегодня вечером я осматривал вашего пациента в отделении скорой помощи.*

Я провел ПРО и прошу вас взять у него кровь на анализ, включая САП. Этот человек тщетно пытался записаться к вам на прием, и ему пришлось обратиться к нам. Пожалуйста, поручите кому-нибудь из медперсонала связаться с мистером Моулом с тем, чтобы назначить его на прием как можно скорее.

Ваши

*Т. Куган,
ординатор.*

Дома меня встретили ледяной вежливостью. Ужинал я в одиночестве. Георгина приготовила соус болоньезе, но, как всегда, переусердствовала с орегано. Я как раз вываливал свою порцию почти целиком в помойное ведро, когда она вошла. Георгина промолчала, но взгляд, брошенный на меня, был достоин жены Лота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.